

ГОДЪ
Сорокъ Третій

ЛИТОВСКИЕ

31 июля 1905 года

ВОСКРЕСЕНЬЕ.

ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ

№ 30-31.

ВѢДОМОСТИ.

Подписная цѣна съ пересылкою 5 рублей.
Отдѣльные №№ Литовскихъ Епарх. Вѣд. по 10 коп.
(марками).
Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редакціи
Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

При печатаніи объявленій за каждую строку
или мѣсто строки взимается:

за одинъ разъ 10 коп.
„ два раза 15 „
„ три раза 20 „

СОДЕРЖАНІЕ.

Мѣстныя распоряженія. Рукоположеніе. Перемѣщенія.
Мѣстныя извѣстія. Некрологъ. Освященія церквей.
Циркуляръ Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода. Къ
свѣдѣнію и исполненію духовенства. Отъ Общества
Бѣлаго Креста. Отъ Совѣта Щучинск. второкл.
школы. Неоффиц. отдѣль. Ф. К. Смирновъ (некро-
логъ). Поѣздка Его Высокопреосвященства по
епархіи. Епарх. соборы или „сѣзды“ духовенства.
Русское духовенство въ произведеніяхъ А. П.
Чехова. Изъ Епархіальн. жизни.

МѢСТНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

3 іюля рукоположенъ во священника къ Дрис-
вятскому приходу, Новоалександровскаго уѣзда,
діаконъ Андроникъ Федоровъ. —

16 іюля псаломщикъ Цицинской церкви Ип-
политъ Маевскій, согласно прошенію, перемѣщенъ
на таковую же должность къ Воложинской Кон-
стантино-Еленинской церкви.

Священникъ Гилейской Маріинской церкви
Понтій Рупышевъ съ 16 іюля назначенъ на долж-
ность законоучителя въ Бобруйскую гимназію.

Резолюціей Его Высокопреосвященства отъ
23 іюля, Священникъ Ковенскаго Александро-Нев-
скаго Собора Василій Никольскій перемѣщенъ въ
м. Батуринъ, Вилейскаго уѣзда.

27 іюля на должность казначея Пожайскаго
Успенскаго монастыря назначенъ іеромонахъ Ме-
водій.

27 іюля, Его Высокопреосвященствомъ пре-
подано Архипастырское благословеніе Священни-
ку Жижнянской церкви, Лидскаго уѣзда, Іоанну
Заусцінскому, въ виду его заботъ по благоустрой-
ству мѣстнаго храма.

МѢСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ ночь съ 17 на 18 іюля, послѣ
непродолжительной, но тяжелой болѣз-
ни, скончался Секретарь Литовской Кон-
систеріи, Коллежскій Совѣтникъ Фле-
гонтъ Кузьмичъ Смирновъ на 65 го-
ду жизни.

10 іюля освящена вновь построенная деревянная церковь въ м. Нѣменчинѣ, Виленскаго уѣзда.

11 іюля въ селѣ Побенѣ, Виленскаго уѣзда, Его Высокопреосвященствомъ освящена во имя св. Николая новоустроенная приписная къ приходской Кердѣво-Ильинской церковь.

Циркулярно.

Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтамъ, ихъ уѣзднымъ отдѣленіямъ, совѣтамъ второклассныхъ школъ и Епархіальнымъ и Уѣзднымъ Наблюдателямъ церковныхъ школъ.

Въ 1903-мъ году Святѣйшимъ Синодомъ были утверждены программы учебныхъ предметовъ для школъ церковно-приходскихъ, второклассныхъ и церковно-учительскихъ, причемъ Святѣйшій Синодъ, имѣя въ виду, что программы эти суть примѣрныя и вводятся лишь на 6 лѣтъ, въ видѣ опыта, предоставилъ Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтамъ въ случаѣ, если программы эти гдѣ-либо, по мѣстнымъ условіямъ или другимъ уважительнымъ причинамъ, окажутся въ чемъ-либо невыполнимы, съ разрѣшенія мѣстнаго Епархіальнаго Преосвященнаго, входить съ ходатайствами въ Училищный Совѣтъ при Святѣйшемъ Синодѣ объ измѣненіи оныхъ.

По сему случаю мною было предложено циркулярно Епархіальнымъ и Уѣзднымъ Наблюдателямъ церковныхъ школъ, въ отношеніи отъ 3 сентября 1903 г. за № 6115, нѣсколько соображеній касательно примѣненія новыхъ программъ.

Но, по наблюденіямъ центральной церковно-школьной инспекціи, соображенія эти не принимаются во вниманіе въ полной силѣ,—и въ школахъ, особенно второклассныхъ и двухклассныхъ, становятся примѣтными признаки формальнаго исполненія программъ во всемъ объемѣ, вмѣсто живого и разумнаго, въ виду чего считаю долгомъ вновь указать на содержаніе помянутаго циркулярнаго отношенія съ нѣкоторыми дополненіями а именно:

Точное и подробное исполненіе программъ во всѣхъ предметахъ зависитъ во многомъ и отъ

преподаванія и отъ степени подготовленія учащихся, поступающихъ въ эти школы. Между тѣмъ, при новости дѣла не вездѣ можно ожидать, чтобы и въ томъ и въ другомъ отношеніи всюду одинаковы были нужныя условія для полного успѣха учебнаго дѣла. Эти соображенія имѣютъ особенное значеніе для школъ второклассныхъ по краткости нынѣшняго, положеннаго для нихъ на первый разъ, трехгодичнаго курса.

Вслѣдствіе того, примѣненіе сихъ программъ по необходимости стоитъ въ зависимости отъ состоянія той или другой школы и тѣхъ силъ, которыми она располагать можетъ. Это существенное условіе для учебной дѣятельности надлежитъ имѣть въ виду Наблюдателямъ при посѣщеніи школъ и сообразно сему составлять и оцѣнку дѣятельности преподавателей и сужденіе объ успѣхахъ преподаванія, въ коемъ имѣеть особенную важность не столько полнота и подробность свѣдѣній по всѣмъ предметамъ, въ программѣ означеннымъ, сколько основательность знанія и пониманіе по существеннымъ ея предметамъ. Такъ, неосновательно было бы во второклассныхъ школахъ требовать подробныхъ свѣдѣній о явленіяхъ природы, тогда какъ сообщеніе сихъ свѣдѣній поставлено въ одной связи съ географіей, слѣдовательно, должно ограничиваться лишь элементарными свѣдѣніями. Неосновательно было бы требовать по предметамъ программы свѣдѣній и умѣній по черченію и землемѣрію тамъ, гдѣ второклассная школа не успѣла еще приобрѣсть знающаго по сей части учителя. Неосновательно было бы порицать дѣятельность учителя или учительницы за несовершенную полноту отвѣтовъ по всѣмъ подробностямъ программы, когда отвѣты показываютъ ясное и основательное разумѣніе тѣхъ существенныхъ предметовъ оной.

Обширныя на первый разъ примѣрныя программы для второклассныхъ школъ требуютъ въ примѣненіи своемъ нѣкоторой подготовки поступающихъ въ школу учениковъ къ воспріятію сообщаемыхъ имъ свѣдѣній: въ противномъ случаѣ обученіе становится механическимъ, не только не воспитывая умъ, но еще притупляя его. Между тѣмъ опытъ показываетъ, что въ иныхъ случаяхъ ученики принимаются въ школу безъ надлежащаго разбора и повѣрки ихъ знаній и умственнаго развитія, вслѣдствіе чего принимаются иногда вовсе неразвитые и неподготовленные. Но второклассная школа ни въ какомъ случаѣ не должна имѣть въ виду цѣлей благотворенія или неразумнаго снисхожденія къ ходатайствамъ; должны быть прини-

маемы одни лишь способные къ прохожденію курса съ самаго его начала, иначе пришлось бы, напр., съ перваго класса сообщать свѣдѣнія о физикѣ и ботаникѣ дѣтямъ, едва умѣющимъ читать и писать разсудительно.

Программа церковнаго пѣнія можетъ быть во всѣхъ частяхъ выполнена только въ тѣхъ второклассныхъ школахъ, гдѣ окажется достаточно къ сему способная и подготовленная учительница или учитель. При всей воспитательной важности сего предмета для школы онъ преимущественно требуетъ соблюденія извѣстной мѣры въ соображеніи съ временемъ, потребнымъ для преподаванія всѣхъ прочихъ предметовъ, ибо чрезмѣрное расширеніе и теоретическихъ и практическихъ занятій по сему предмету соединено съ крайнимъ напряженіемъ силъ какъ учащаго, такъ и учащихся. Добросовѣстная учительница съ утра до ночи поглощена непрерывнымъ обращеніемъ съ дѣтьми, и требовать отъ нея чрезмѣрнаго труда по управленію хоромъ при Богослуженіи не всегда бываетъ возможно; между тѣмъ нерѣдко случается что самый трудъ псаломщика возлагается на учителя или учительницу, если они обладаютъ музыкальной способностью; случается, что требуютъ отъ нихъ обученія пѣнію и составленія хора и за предѣлами школы,—что положительно невозможно.

Грамматическое преподаваніе русскаго языка (по 6 часовъ и въ церковно-приходской и второклассной школѣ) лишь при особой способности учителя и при живомъ преподаваніи можетъ оказаться необременительнымъ для учениковъ. Въ противномъ случаѣ оно превращается въ механической трудъ и способствуетъ не столько къ оживленію, сколько къ притупленію дѣтскихъ умовъ. О семъ предметѣ въ особенности слѣдуетъ сказать, что успѣхъ въ ономъ зависитъ не отъ количества времени, употребленнаго на преподаваніе, а отъ умѣнія преподавателя возбудить въ ученикахъ интересъ къ предмету практическими приемами изъясненія и опроса.

При производствѣ испытаній въ испытательныхъ комиссіяхъ необходимо соразмѣрять разспросы и требованія со свойствами дѣтскаго возраста, требующаго особливаго вниманія, со степенью дѣтскаго пониманія. Неразсудительные вопросы, при суровомъ обращеніи съ дѣтьми, при необычной для нихъ обстановкѣ испытанія, запугивая дѣтей, нерѣдко способнаго и знающаго могутъ представить тупымъ и незнающимъ. Посему полезно въ сихъ случаяхъ, объясненіями съ учите-

земъ или учительницей и принятіемъ въ соображеніе успѣховъ каждаго въ теченіе учебнаго года, дополнять и усовершеншать впечатлѣніе сдѣланныхъ на испытаніи вопросовъ и данныхъ отвѣтовъ.

Сверхъ того, по сообщеніямъ центральной и мѣстной церковно-школьной инспекціи, во второклассныхъ же по преимуществу школахъ замѣчается преобладаніе механическаго заучиванія уроковъ вмѣсто сознательнаго усвоенія и самостоятельнаго изложенія ихъ учениками, особливо по Закону Божію. Было бы разумнѣе, чтобы учащіе лица своими объясненіями способствовали сознательному усвоенію данныхъ уроковъ и приучали бы дѣтей, въ мѣру ихъ силъ, самостоятельно передавать содержаніе усвоеннаго.

Наконецъ, по общимъ отзывамъ женскія второклассныя школы являются въ сравненіи съ мужскими гораздо благоустроеннѣе и въ воспитательномъ отношеніи болѣе выдержанными. Между тѣмъ число женскихъ второклассныхъ школъ едва достигаетъ одной седьмой части всѣхъ школъ этого рода. Было бы цѣлесообразнѣе имѣть по крайней мѣрѣ одинаковое число тѣхъ и другихъ въ каждой епархіи, если бы это по мѣстнымъ условіямъ оказалось возможнымъ. Посему желательно со всею тщательностію обсудить, какія изъ существующихъ въ епархіи мужскихъ школъ предпочтителнѣе преобразовать въ женскія. Это было бы полезно въ педагогическомъ отношеніи, такъ какъ учительницы могутъ ближе стоять къ дѣтямъ въ школѣ и болѣе воспитательно вліять на нихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣчало бы Высочайшей волѣ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, изволившаго выразить желаніе, чтобы въ начальныхъ школахъ было болѣе учительницъ.

При посѣщеніи школъ слѣдуетъ Наблюдателямъ не оставлять безъ вниманія и матеріальное состояніе учителей, особливо же учительницъ; ибо на нихъ, имѣющихъ ближайшее, непосредственное отношеніе къ дѣтямъ, лежитъ преимущественный воспитательный трудъ, и отъ нихъ преимущественно зависитъ разумная постановка школьнаго обученія. Посему надлежитъ обращать вниманіе на обезпеченіе ихъ квартирою, на огражденіе ихъ отъ незаконныхъ стѣсненій и на удовлетвореніе ихъ жалованьемъ вполнѣ и безъ промедленій.

Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода,
Статсъ-Секретарь *К. Полюдоносцевъ*.

Относительно полученія пособія за сей 1905 годъ, на капиталы въ процентныхъ бумагахъ, въ возмѣщеніе 5% Государственнаго налога.

(Къ свѣдѣнію и исполненію духовныхъ учрежденій и духовенства Литовской епархіи).

Литовская Консисто́рія симъ поставляетъ въ извѣстность Правленію семинаріи и училищъ, Братства, монастыри и причты церкви Литовской епархіи, коимъ причитается пособіе изъ казны взамѣнъ 5% налога, взимаемаго съ доходовъ отъ капиталовъ, принадлежавшихъ симъ учрежденіямъ до 1-го Іюля 1885 года, что Консисто́ріею сдѣлано сношеніе съ Казенными Палатами Виленской и Ковенской губерніи о разбассигнованіи сего пособія, отпущеннаго на 1905 годъ, на подлежащія Казначейства, и что затѣмъ, симъ учрежденіямъ слѣдуетъ озаботиться полученіемъ этого пособія въ порядкѣ (по полугодіямъ) полученія такового же въ прошломъ году и непременно руководствуясь, при этомъ, рабѣшеніями, изложенными въ отношеніяхъ Консисто́ріи-учрежденіямъ, отъ 27 Ноября 1892 года и 6 Іюня 1895 года, и духовенству въ указахъ, отъ 26 ноября 1892 года и 6 Іюня 1895 года, т. е., не получать этого пособія по тѣмъ % % бумагамъ, которыя имѣли временное значеніе и капиталная сумма которыхъ уже израсходована.

Духовенству Литовской епархіи для надлежащаго исполненія.

Предсѣдатель воинскаго Благотворительнаго общества Краснаго Креста, отношеніемъ отъ 10 Іюня 1905 г. за № 873 сообщилъ Его Высокопреосвященству, что по особому ходатайству Августѣйшаго Покровителя сего общества, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Александровича, Святѣйшій Правительствующій Синодъ опредѣлилъ разрѣшить обществу произвести, въ пользу его, повсемѣстно, въ церквахъ всѣхъ епархій Имперіи сборъ пожертвованій въ 1906, 1907 и 1908 годахъ въ праздникъ Богоявленія Господня (6 января), о чемъ и сообщено Синодальнымъ указомъ отъ 5 февраля 1905 года за № 1233.

Приступая нынѣ къ организаціи ближайшаго изъ означенныхъ сборовъ—6 января 1906 года, Комитетъ общества Бѣлаго Креста проситъ Его Высокопреосвященство благословить доброе дѣло оказанія помощи вдовамъ и сиротамъ воиновъ

русской арміи и не отказать въ содѣйствіи къ осуществленію вышеупомянутаго сбора на нужды общества.

Въ виду сего Литовская Духовная Консисто́рія приглашаетъ духовенство епархіи къ оказанію содѣйствія въ дѣлѣ сбора пожертвованій въ пользу общества Бѣлаго Креста. Собранныя деньги должны быть отсылаемы благочинными помимо Консисто́ріи въ общество Бѣлаго Креста, въ С.-Петербургѣ, Очаковская ул., д. № 4—6, близъ Смольнаго монастыря.

Отъ Правленія Минскаго женскаго училища Духовнаго вѣдомства

1., Согласно § 81 Устава въ Училище принимаются дочери священно-церковнослужителей отъ 10 до 12 лѣтъ по предварительному испытанію ихъ.

2., Согласно послѣдовавшему въ 1903 году распоряженію Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода отъ поступающихъ въ 1 классъ Училища на приемныхъ испытаніяхъ требуется знаніе учебныхъ предметовъ въ объемѣ курса одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ.

3., Приемныя испытанія имѣющихъ поступать въ Училище послѣ лѣтнихъ каникулъ текущаго года дѣвицы назначены на 31 августа, 1 и 2 сентября, а сборъ воспитанницъ—на 3-е сентября.

Отъ Совѣта Щучинской второклассной школы.

Совѣтъ Щучинской второклассной школы объявляетъ, что переэкзаменовки ученикамъ назначены на 2-е сентября; приемные экзамены на 3-е сентября. Прошенія о допущеніи къ экзамену можно подавать и раньше лично или по почтѣ. При прошеніи прилагаются метрическая выпись и свидѣтельство объ окончаніи курса въ одноклассной церковно-приходской школѣ или въ начальномъ народномъ училищѣ. Плата за содержаніе въ общежитіи при школѣ назначена 40 рублей въ годъ; вносится по полугодіямъ—20 руб. въ сентябрѣ и 20 руб. въ январѣ. Каждый воспитанникъ обязанъ имѣть верхнюю теплую и холодную одежду и обувь. Кромѣ того, не менѣе 4-хъ паръ бѣлья, сѣнникъ, подушку, одѣяло, наволочки, простыни и полотенца.

Почтовый адресъ: м. Щучинъ, Виленской губ. Желѣзнодорожная ст., ближайшая къ школѣ, „Лида“ Полѣскихъ жел. дорогъ.

А) ВАКАНТНЫ МѢСТА СВЯЩЕННИКОВЪ—

- Въ с. Верхнемъ, Дисненскаго уѣзда (7).
- Въ м. Яновъ, Ковенскаго уѣзда (6).
- Въ с. Цвѣтинъ, Дисненскаго уѣзда (5).
- Въ г. Диснѣ при Николаевской церкви (2).
- При Вилейской Маріинской церкви (1).
- При Ковенскомъ Александро-Невскомъ соборѣ (1).

Б) ВАКАНТНЫ МѢСТА ПСАЛОМЩИКОВЪ—

- Въ м. Высокомъ Дворѣ, Трокскаго уѣз. (2.)
- Въ м. Прозорокахъ, Дисненскаго уѣзда (11).
- Въ м. Поставахъ, Дисненскаго уѣзда. (11).
- Въ с. Голомысли, Дисненскаго у. (10).
- Въ с. Плисебѣ, Дисн. уѣзда. (7).
- Въ с. Новошарковѣ, Дисненск. уѣз. (5).
- Въ г. Трокахъ (4).
- Въ с. Вишневъ, Свенцянскаго уѣзда (3).
- Въ с. Батуринъ, Вилейск. у. (9).
- Въ г. Диснѣ при Воскресенск. церкви (3)
- При Цицинской церкви, Опшмянск. уѣз. (1)

Неофициальный отдѣлъ.**Ф. К. СМІРНОВЪ.**

Въ среду 20-го іюля русская православная семья г. Вильны провожала на могилу одного изъ видныхъ церковно-общественныхъ дѣятелей сѣверо-западнаго края, секретаря Литовской духовной консисторіи, Флегонта Кузьмича Смирнова. Еще въ пятницу, 15-го іюля, онъ, здоровый и бодрый, присутствовалъ на собраніи Совѣта св. Духовскаго Братства, принималъ дѣятельное участіе въ этомъ, всегда дорогомъ и важномъ для него, братскомъ дѣлѣ. А въ ночь съ 17 на 18 іюля его уже не стало. Онъ умеръ послѣ непродолжительной, но тяжкой болѣзни, завершивъ свой многотрудный жизненный подвигъ доброю христіанскою кончиною, напутствуемый св. Таинами, оплакиваемый семьей и друзьями.

Родомъ великороссъ, питомецъ Владимірской дух. семинаріи (съ 1854 по 1859 г.), а потомъ Петербургской дух. академіи (съ 1859 по 1863 г.), онъ всю свою остальную жизнь, съ 1864 по 1905 годъ, отдалъ сѣверо-западному краю, и именно Литовской епархіи. Впрочемъ, тотчасъ по окончаніи академіи онъ былъ назначенъ въ Томскую дух. семинарію (20 дек. 1863 г.), но черезъ два мѣсяца (8 февр. 1864 г.) послѣдовалъ его пере-

водъ въ Литовскую духовную семинарію. Здѣсь же въ апрѣлѣ того же года онъ былъ утвержденъ въ степени магистра богословія. Въ семинаріи покойный преподавалъ философскія науки, папистику и латинскій языкъ. Его педагогическая дѣятельность не ограничивалась только семинаріей и кругомъ положенныхъ ему предметовъ. Въ маѣ 1864 года Флегонтъ Кузьмичъ былъ назначенъ преподавателемъ географіи въ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія, позднѣе въ сентябрѣ того же года началъ преподаваніе французскаго языка. Въ его время дѣятельность наставниковъ семинаріи не ограничивалась однимъ только преподаваніемъ, она непремѣнно соединялась и съ литературными занятіями. Наставники семинаріи обязаны были представлять проповѣди и произносить ихъ, принимать участіе въ изданіи и редактированіи Литовскихъ епархіальныхъ вѣдомостей. Но самое главное литературное дѣло, заслуживавшее особеннаго вниманія, составляли труды наставниковъ семинаріи по составленію и изданію археографическаго сборника, издаваемаго на средства Виленскаго учебнаго округа. Покойный Флегонтъ Кузьмичъ дѣятельно участвовалъ въ изданіи 6-го тома, за что ему и объявлена была (15 апр. 1870 г.) Высочайшая Его Императорскаго Величества благодарность. Перу покойнаго принадлежитъ и еще одно сочиненіе—„Описаніе сборниковъ XVI вѣка и древнихъ рукописей Софійской бібліотеки, состоящей при С-Петербургской духовной академіи“.

Педагогическая дѣятельность покойнаго какъ въ семинаріи, такъ и въ женскомъ училищѣ не была особенно продолжительной: опредѣленіемъ св. Синода отъ 10/22 дек. 1869 Флегонтъ Кузьмичъ былъ уже назначенъ секретаремъ Литовской духовной консисторіи, въ каковой должности и скончался. Но видно, что покойный принималъ ревностное и близкое участіе въ жизни семинаріи и вообще духовной школы. Такъ, онъ былъ членомъ временнаго Ревизіоннаго Комитета для ревизіи отчетовъ по семинаріи и училищамъ за 1863, 1865, 1866, 1867 г., состоялъ также членомъ педагогическаго собранія Правленія Литовской духовной семинаріи и распорядительнаго собранія семинарскаго Правленія.

Съ 1869 г. для покойнаго начался новый родъ дѣятельности въ роли секретаря консисторіи. Его свыше тридцатипятилѣтніе труды на этомъ поприщѣ связали его имя неразрывно съ церковной исторіей нашего края, и подъ перомъ лѣтописца нашей епархіальной жизни несомнѣнно составятъ одну изъ лучшихъ и свѣтлыхъ страницъ ея. Надъ

свѣжей могилой молчить судъ исторіи, и опечаленные тяжелой утратой современники и сослуживцы покойнаго естественно безмолвствуютъ. Но на нихъ лежитъ священный долгъ освѣтить и оцѣнить многотрудную неустанную дѣятельность покойнаго по устроению и упорядоченію нашей епархіальной жизни, улучшенію консисторскаго управленія и его дѣлопроизводства. Вѣдь несомнѣнно только дѣятельности покойнаго Литовская консисторія обязана высотой своего положенія въ ряду другихъ учреждений этого рода, отсутствіемъ въ ней обычныхъ, свойственныхъ канцелярскому дѣлопроизводству, недостатковъ. Тайна этой плодотворной дѣятельности, конечно, въ личности покойнаго, въ его строгомъ нравственномъ обликѣ, въ его неподкупной честности, въ его глубокой преданности дѣлу, въ его многолѣтней опытности, въ его прекрасномъ практическомъ знаніи и пониманіи нашего современнаго церковнаго законодательства. Всѣ литовскіе іерархи высоко цѣнили дѣятельность и личность покойнаго. Какъ митрополитъ Іосифъ Сѣмашко, такъ и его позднѣйшіе достойные преемники относились съ глубокимъ уваженіемъ къ его личности и вниманіемъ къ его слову. Заслуги покойнаго снискали ему уваженіе и вниманіе также и его прямого непосредственнаго начальства. Въ 1900 году Флегонту Кузьмичу, имѣвшему уже высшій для его должности чинъ коллежскаго совѣтника и ордена: св. Станислава 2-й ст., Св. Анны 2-й ст., св. Владимира 4 и 3 ст., по представленію г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, было назначено Святѣйшимъ Синодомъ, за отлично-усердную и полезную службу, продолжавшуюся по духовному вѣдомству свыше 36 лѣтъ, пожизненное пособіе въ размѣрѣ 600 руб. въ годъ.

Покойный никогда не замыкался въ узкую сферу канцелярской дѣятельности. Онъ всегда былъ церковно-общественнымъ дѣятелемъ. Онъ принималъ горячее и постоянное участіе въ жизни Св.-Духовскаго Братства и, въ качествѣ члена Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, въ церковно-школьномъ дѣлѣ.

Вся эта плодотворная и многолѣтняя дѣятельность покойнаго неожиданно прервалась на 65 г. его жизни.

20 іюля въ кафедральномъ соборѣ Высокопреосвященнымъ Архіепископомъ Никандромъ, въ сослуженіи многочисленнаго виленскаго духовенства, совершено было отпѣваніе. Въ храмъ не было надгробныхъ словъ, но у могилы, покойнаго

почтилъ прощальной рѣчью старый его сослуживецъ и другъ, почтенный виленскій братчикъ, И. Я. Спрогисъ.

Поѣздка Высокопреосвященнаго Никандра, Архіепископа Литовскаго и Виленскаго, по епархіи.

Высокопреосвященный Никандръ, Архіепископъ Литовскій и Виленскій, 9—13 іюля совершилъ обзоръ церквей Шумскаго благочинія. Владыка выѣхалъ изъ Вильны 9 іюля въ 2½ ч. дня. Въ 3¼ часа Владыка прибылъ на ст. Яшуны Полѣскихъ жел. дор. На станціи Владыку встрѣтили: Шумскій благочинный свящ. Быстрицкой церкви Левъ Тиминскій, земскій начальникъ 2-го участка виленскаго уѣзда Бранчаниновъ, инспекторъ народныхъ училищъ Виленской губ. Нестеровичъ, виленскій уѣздный исправникъ Смольскій, приставъ Сигналовъ и нѣкоторые другія лица. Въстѣ съ Владыкою на ст. Яшуны прибыли: ключарь Виленскаго кафедральнаго собора, протоіерей Голенкевичъ и старшій дѣлопроизводитель канцеляріи виленскаго, ковенскаго и гродненскаго генераль-губернатора С. П. Вѣлецкій. Со ст. жел. дор. Высокопреосвященный Никандръ, въ сопровожденіи всѣхъ поименованныхъ выше лицъ, отправился въ м. Яшуны, гдѣ посѣтилъ Яшунское народное училище. Зданіе училища, по случаю пріѣзда Владыки, красиво было убрано какъ снаружи, такъ и внутри. Крыльцо украшено было гирляндами изъ зелени и цвѣтовъ. По бокамъ крыльца прикрѣплены были флаги. У входа въ училище Владыку ожидали учительница и ученики православнаго исповѣданія, явившіеся для встрѣчи Архипастыря и поднесшіе Владыкѣ хлѣбъ-соль. Владыка интересовался, сколько лѣтъ ученики учатся въ училищѣ и предлагалъ дѣтямъ говорить молитвы. Затѣмъ Владыка зашелъ въ классъ. По стѣнамъ класса развѣшаны были картины по священной исторіи и географическія карты. Икона и портретъ Государя Императора украшены были гирляндами изъ живыхъ цвѣтовъ и зелени. Владыка подробно разспрашивалъ о числѣ и составѣ учащихся и о средствахъ содержанія училища. Отвѣты и объясненія давалъ инспекторъ народныхъ училищъ Нестеровичъ, сопровождавшій Владыку въ качествѣ представителя отъ учебнаго вѣдомства, командиръ ванный по распо-

раженію виленскаго директора народныхъ училищъ для сопутствованія Владыкѣ при посѣщеніи школъ Его Высокопреосвященствомъ. Изъ м-ка Яшунъ, согласно маршруту, Высокопреосвященный Никандръ отправился въ им. Меречь-Вилькишки, гдѣ посѣтилъ церковь и мѣстную церковно приходскую школу. При входѣ въ церковь Владыку привѣтствовалъ рѣчью священникъ Ильинской церкви о. Измайловъ. Высокопреосвященный Никандръ въ церкви совершилъ молебенъ. Предъ началомъ молебна Владыка сказалъ поученіе народу. Чистенькій Вилькишскій храмъ производитъ хорошее впечатлѣніе своимъ внѣшнимъ видомъ. Кѣмъ и когда основанъ былъ этотъ храмъ—неизвѣстно. Нѣкоторое время храмъ этотъ былъ въ забвеніи. Новый владѣлецъ им. Вилькишки, русскій помѣщикъ Максимовъ, реставрировалъ храмъ и приукрасилъ его. Изъ церкви Владыка отправился въ церковно приходскую школу. У входа въ школу Владыку встрѣтилъ учитель школы съ хлѣбомъ-солью. Школа устроена въ имѣніи главнымъ образомъ для дѣтей служащихъ въ имѣніи и отличается какъ внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ своимъ благоустройствомъ. Въ школѣ Владыка спрашивалъ у дѣтей молитвы. Затѣмъ супруга владѣльца им. Вилькишки Максимова пригласила Владыку откусать хлѣба-соли въ ея домѣ въ им. Вилькишки. За трепезою, устроенною въ честь Владыки, присутствовало около 40 чел. гостей. Около 9 ч. вечера Владыка отбылъ въ имѣніе барона Э. А. Дельвига, Павлово, гдѣ Владыкѣ былъ предложенъ чай.

Изъ Павлова Высокопреосвященный Никандръ отправился въ им. Меречь-Михново, помѣщ. Н. В. Корецкаго, гдѣ Владыкѣ приготовленъ былъ ночлегъ. Хозяинъ и хозяйка имѣнія Михново просили Владыку совершить панихиду на могилѣ дочери, похороненной въ саду имѣнія. Владыка, сопровождаемый духовенствомъ, отправился въ садъ на могилу дочери Корецкихъ. Ночь была тихая и теплая. Шествіе при свѣтѣ множества зажженныхъ свѣчей бѣло торжественно и трогательно. Началась панихида. Тихая и звѣздная ночь огласилась звуками пѣнія и молитвами надъ тѣломъ усопшей. Умилительное пѣніе архіерейскаго хора пѣвчихъ, чудныя слова молитвы, необычайная обстановка ночи производили грустное, но въ то же время чарующее, успокаивающее и умиротворяющее впечатлѣніе.

10 іюля Владыка совершилъ литургію и молебенъ въ Ильинской церкви, гдѣ имъ сказано было поученіе. По окончаніи богослуженія Высо-

копреосвященный Никандръ посѣтилъ свящ. Ильинской церкви о. Измайлова въ его домѣ, а за тѣмъ отбылъ въ им. Побень на освященіе церкви, назначенное на 11 іюля. По случаю освященія церкви въ Побени, накануне освященія, совершенъ былъ крестный ходъ изъ Ильинской церкви, находящейся въ 12 верстахъ отъ Побени. Чудную картину представлялъ этотъ крестный ходъ, въ которомъ приняли участіе духовенство и міряне, простой народъ и интеллигенція. Изъ Ильинской церкви икону Божіей Матери, чтимую и католиками, несли на смѣну всю дорогу дочери помѣщ. Корецкаго. Когда крестный ходъ прибылъ въ Побень, въ новомъ храмѣ началось всенощное бдѣніе. Литію и благословеніе хлѣбовъ и полиелей совершилъ самъ Владыка. Всенощную чудно пѣлъ архіерейскій хоръ пѣвчихъ. На слѣдующій день совершенно было освященіе Побенскаго храма Владыкою въ сослуженіи протоіереевъ Голенкевича и Маркевича, пяти священниковъ, протодіакона и трехъ діаконовъ. Церковь мало по малу стала наполняться молящимися. Въ числѣ молящихся, кромѣ лицъ сопровождавшихъ Владыку, были: супруга владѣльца им. Вилькишки Л. П. Максимова съ семьєю, владѣлецъ им. Павлово баронъ Э. Дельвигъ съ супругою, владѣлецъ им. Михново Н. В. Корецкій съ семействомъ, помѣщики А. А. Сидоровичъ и Л. Л. Линчъ, владѣлецъ им. Бѣлый Дворъ, генераль-маіоръ Шенуринъ съ супругою, учителя и учительницы сосѣднихъ народныхъ и церковно-приходскихъ школъ и многія другія лица изъ числа окрестной интеллигенціи и главная виновница торжества г. Шенурина, владѣлица им. Побень. Высокопреосвященный Никандръ, послѣ облаченія въ святительскія ризы, съ сослужащимъ ему духовенствомъ, вошелъ въ алтарь для совершенія чина освященія церкви. Въ алтарь разрѣшено было войти и мірянамъ. Архіерейскій чинъ освященія храма на присутствующихъ производилъ глубокое впечатлѣніе святостью и назидательностью совершаемыхъ дѣйствій. Когда окончено было освященіе престола, совершенъ былъ крестный ходъ вокругъ храма, а затѣмъ стѣны храма окроплены были св. водою. Велѣдъ за освященіемъ храма началась божественная литургія, въ совершеніи которой приняло участіе все наличное духовенство благочинія. Красота и благолѣпіе архіерейской службы, прекрасное пѣніе архіерейскаго хора, невиданная дотолѣ въ сельскомъ населеніи обстановка торжества производили необыкновенное впечатлѣніе на народъ, который съ благоговѣніемъ молился у престола ново-

освященнаго храма. Въ концѣ богослуженія Высокопреосвященный Никандръ сказалъ поученіе, затѣмъ розданы были крестики, книги и брошюры религіознаго содержанія.

Новоосвященная Побеньская церковь весьма благолѣпна и просторна: въ церкви можетъ помѣститься свыше 5 сотъ молящихся. Подъ устройство церкви и причтовыхъ построекъ владѣлица им. Побень О. И. Шенурина отвела участокъ земли возлѣ самага имѣнія, въ количествѣ 6 дес. Для устройства церкви проданъ участокъ лѣса, принадлежащій Ильинской церкви, за который выручено 8010 рублей, недостающая сумма денегъ пополнена была на счетъ процентовъ съ суммы, вырученной отъ продажи лѣса и на счетъ пожертвованій честныхъ лицъ, среди которыхъ первое мѣсто принадлежитъ пожертвованіямъ владѣлицы им. Шенуриной.

Когда окончилось торжество освященія храма, радушная и гостепрѣимная хозяйка им. Побень О. И. Шенурина пригласила Владыку и всѣхъ присутствовавшихъ на торжествѣ освященія почетныхъ гостей раздѣлить трапезу въ домѣ своемъ въ им. Побень. Къ концу обѣда генералъ-маіоръ Шенуринъ на правахъ ближайшаго родственника г-жи Шенуриной благодарилъ Владыку за принятый имъ на себя трудъ освященія храма и провозгласилъ тостъ за здравіе Его Высокопреосвященства, встрѣченный тоекратнымъ пѣніемъ „Многая лѣта“ хоромъ присутствующихъ гостей и архіерейскимъ хоромъ пѣвчихъ.

Изъ им. Побень того же самага числа Владыка прослѣдовалъ въ с. Цуденишки, а оттуда въ г. Шумскъ, гдѣ имѣлъ ночлегъ въ домѣ священника Шумской церкви о. Маркевича. Въ Цуденишкахъ Высокопреосвященный Никандръ посѣтилъ храмъ, послѣ чего посѣтилъ священника Цуденишской церкви о. Минковского въ его домѣ. Въ Шумскѣ Владыка прибылъ около 9 час. вечера, когда уже было темно на дворѣ. Тѣмъ не мѣнѣе Владыка посѣтилъ Шумскую церковь, гдѣ служилъ молебенъ и церковно-приходскую школу, гдѣ спрашивалъ ученицъ по закону Божію. Владыку при входѣ въ храмъ привѣтствовалъ протоіерей Маркевичъ прочувствованною рѣчью. Владыка, по обыкновенію, какъ и въ другихъ храмахъ, поучалъ народъ. Благолѣпный Шумскій храмъ блисталъ отъ множества возженныхъ свѣчей.

12 іюля около 11 ч. утра Высокопреосвященный Никандръ прибылъ въ с. Островець, посѣтивъ по дорогѣ въ Островець церковь въ с. Лошѣ. Въ Островець въ церкви привѣтствовалъ Владыку про-

чувствованнымъ словомъ священникъ о. Жебровский. Въ церкви Высокопреосвященный Никандръ совершилъ молебенъ предъ образомъ Божіей Матери и поучалъ народъ. Молебенъ пѣлъ соединенный хоръ учащихъ и учащихя церковно-приходской школы и народнаго училища подъ управленіемъ учителя Ковеля. Изъ церкви Владыка направился въ церковно-приходскую школу, гдѣ былъ встрѣченъ хлѣбомъ-солью. Подробно осмотрѣвши помѣщеніе школы, Владыка при пѣніи „Испола эти деспота“ оставилъ школу и направился въ народное училище, гдѣ также встрѣченъ былъ хлѣбомъ-солью. Осмотрѣвъ классъ и посѣтивъ квартиру учителя, Высокопреосвященный Никандръ отправился въ домъ свящ. Жебровскаго. Учащіеся пѣли „Испола эти деспота“. Оба училища и церковно-приходское и народное красиво были декорированы.

Изъ Островца Владыка отправился въ с. Быстрицу, но по пути посѣтилъ Ворнянское народное училище, которое украшено было флагами и въ которомъ Владыка встрѣченъ былъ хлѣбомъ-солью. Въ Ворнянахъ подносила Владыкѣ хлѣбъ-соль еврейская депутація. Въ Быстрицу Владыка прибылъ около 8 час. вечера. Передъ церковью воздвигнута была по инициативѣ земскаго начальника Соколовскаго и подъ его руководствомъ красивая триумфальная арка съ надписью „Благословенъ грядый во Имя Господне“. Отъ арки до церкви Владыка шелъ пѣшкомъ при чемъ двѣ дѣвочки, одѣтыя въ бѣлыя платья, бросали цвѣты по дорогѣ. Въ церкви встрѣтилъ Владыку свящ. Тиминскій, сказавшій при этомъ прочувствованное слово. Владыка совершилъ молебенъ и сказалъ поученіе народу. По выходѣ изъ церкви, уже при огнѣ, Владыка побывалъ въ церковно-приходской школѣ, украшенной подобающимъ образомъ, а затѣмъ отбылъ въ домъ священника Тиминскаго, гдѣ Владыкѣ приготовленъ былъ ночлегъ. На слѣдующее утро Высокопреосвященный Никандръ посѣтилъ мѣстное народное училище. Отъ калитки къ крыльцу училища по сторонамъ дорожки стояли молодые деревца, образовавшія аллею. Когда Владыка проходилъ по этой импровизированной аллеякѣ, по дорогѣ бросали цвѣты изъ корзинокъ двѣ дѣвочки—дочери учителя. У входа въ училище Владыкѣ поднесены были хлѣбъ-соль. Ученикъ держалъ хлѣбъ-соль на блюдѣ и медъ, собранный съ пасѣки училища, прося Владыку принять хлѣбъ-соль и медъ. Зайдя въ классъ, Владыка разспрашивалъ о числѣ и составѣ учащихся, объ устройствѣ учебныхъ занятій и т. п. Чиновникъ

канцеляріи генераль-губернатора Вѣлецкій, ознакомившійся съ положеніемъ дѣла въ училищѣ до прибытія Владыки, доложилъ Его Высокопреосвященству, что ученики знакомятся съ устройствомъ земледѣльческихъ орудій въ училищѣ и занимаются садоводствомъ на школьномъ плацу подъ руководствомъ учителя. Владыка разсматривалъ модели земледѣльческихъ орудій, которыя были расположены въ одномъ изъ шкафовъ училища. Владыка выразилъ удовольствіе, что въ училищѣ, кромѣ изученія грамоты, сообщаются учащимся полезныя въ ихъ домашнемъ быту свѣдѣнія по сельскому хозяйству.

Изъ Быстрицы 13 утромъ Владыка направился въ с. Мицкуны, гдѣ посѣтилъ церковь. Къ составу лицъ, провожавшихъ Владыку, въ Мицкунахъ присоединился земскій начальникъ Ольденборгеръ на смѣну г. Соколовскаго, сопровождавшаго Владыку изъ м. Островца въ с. Мицкуны. Въ Мицкунахъ Владыкѣ представлена была инспекторомъ училищъ учительница мѣстнаго народнаго училища.

Изъ Мицкунъ Его Высокопреосвященство прослѣдовалъ въ с. Рукойну. Въ Рукойнѣ Владыка посѣтилъ церковь, въ церкви совершилъ молебствіе, а затѣмъ бесѣдовалъ съ народомъ на злободневную тему о переходѣ православныхъ въ католичество, послѣ чего Владыка отбылъ въ временную квартиру свящ. Лукашевича, посѣтивъ при этомъ мѣстное народное училищѣ, будучи встрѣченнымъ при входѣ въ училище хлѣбомъ-солью.

Изъ с. Рукойны Высокопреосвященный Никандръ отбылъ въ с. Рудомино. Въ Рудоминѣ передъ входомъ въ церковь воздвигнута была красивая арка, вся украшенная зеленью и національными флагами. Надъ устройствомъ арки потрудились земскій начальникъ Брянчаниновъ. У арки встрѣтилъ Владыку съ хлѣбомъ-солью земскій начальникъ Брянчаниновъ, который привѣтствовалъ Владыку рѣчью. Далѣе Владыка прослѣдовалъ въ перковь, гдѣ совершилъ молебствіе и гдѣ поучалъ народъ. Изъ церкви Владыка отбылъ въ домъ свящ. о. Кольнера, а оттуда въ Вильну.

С. Рудомино было послѣднимъ пунктомъ въ настоящей поѣздкѣ Владыки по виленскому уѣзду. Предъ отъѣздомъ Владыки изъ Рудомина съ Его Высокопреосвященствомъ прощались сопровождавшіе его чины и духовенство. Въ искреннихъ выраженіяхъ Его Высокопреосвященство благодарилъ всѣхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ совершенной поѣздкѣ: С. П. Бѣлецкаго за его жи-

вое и весьма дѣятельное участіе въ совершенной поѣздкѣ, земскихъ начальниковъ, исправника Смольскаго и гг. приставовъ за оказанную встрѣчу и за образцовый во всемъ порядокъ и хорошее состояніе дорогъ, которыя, дѣйствительно, были хороши, особенно въ 5 станѣ и дали возможность Владыкѣ въ сравнительно небольшой промежутокъ времени осмотрѣть все Шумское благочиніе. Инспектору народныхъ училищъ Нестеровичу Владыка выразилъ полное свое удовольствіе по поводу результатовъ посѣщенія школъ.

При посѣщеніи церквей и школъ Владыка повсюду одѣлялъ народъ и учащихся книжками, крестиками и „Архипастырскимъ посланіемъ Высокопреосвященнаго Никандра къ паствѣ литовской“. Вездѣ въ церквахъ, мало ли или много было народу, Высокопреосвященный говорилъ поученія народу. Миромъ и любовью дышала рѣчь Архипастыря къ заблудшимъ чадамъ церкви, которыя переходятъ и совращаются въ латинство, бодростью и энергіею звучали слова свѣтильника вѣры къ колеблющимся и тѣмъ чадамъ церкви Христовой, которыя крѣпко держатся св. православной вѣры. По русскому обычаю Владыку повсюду встрѣчали съ хлѣбомъ-солью, зданія народныхъ и церковно-приходскихъ школъ и частныхъ домовъ украшались флагами, гирляндами зелени, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ воздвигались триумфальныя арки. Настоящее шествіе Владыки оставитъ глубокій слѣдъ въ паствѣ и останется глубокопамятнымъ какъ въ тѣхъ, которые имѣли счастье сопровождать Владыку, такъ и тѣхъ, которые имѣли счастье его встрѣчать.

Нестеровичъ. (Зап. В.)

Епархіальные соборы или „сѣзды“ духовенства ¹⁾.

1) „Непонятно,—говоритъ проф. Заозерскій: чѣмъ понравилось нашему дѣловому языку это слово *сѣздъ*. По буквальному своему значенію онъ выражаетъ процессъ путешествія депутатовъ къ мѣсту собранія. Но вѣдь дѣло не въ томъ, какими путями эти депутаты *соберутся*, а въ томъ, что собравшись они *что-либо постановятъ*. *Сѣздъ* не соотвѣтствуетъ даже и обозначенію процесса собиранія духовныхъ депутатовъ: ибо нѣкоторые депутаты не *сѣзжаются*, а дѣшкомъ приходятъ въ губернской городъ для участвованія въ засѣданіяхъ сѣзда. Пора бы, кажется, замѣнить это неблагозвучное и неточное выраженіе „сѣздъ“ другимъ—благозвучнымъ и точнымъ: „епархіальный соборъ“ и „окружный еборъ духовенства“.

„На сборъ приходи на исправленіе церковныхъ вещей на пріятіе истиннаго разума, да можеша дати благодать на созданіе послушающимъ тебѣ“.

(Изъ древняго святительскаго поученія новопоставленному іерею).

I.

Еще съ древнѣйшихъ временъ во многихъ помѣстныхъ церквахъ заведенъ былъ прекрасный обычай, чтобы священники собирались или въ мѣстопробываніи епархіальнаго епископа, или въ какомъ другомъ удобномъ мѣстѣ для совѣщаній и разсужденій о потребностяхъ церкви. Такъ бывало въ карагенской церкви еще при св. Кипріанѣ, а въ александрійской при св. Александрѣ и въ началѣ аріанскихъ споровъ. У насъ въ древней Руси ежегодно на первой или въ началѣ второй недѣли великаго поста въ епархіальный городъ собирались все священники и діаконы епархіи „для поученія отъ архіерея,“ для наставленія относительно пастырской дѣятельности въ своихъ приходахъ. Кромѣ этихъ регулярныхъ соборовъ епархіальнаго духовенства, были еще и соборы чрезвычайные, собиравшіеся архіереемъ по какимъ либо особымъ обстоятельствамъ церковной жизни. Тамъ епископъ вмѣстѣ съ своими сопастырями, какъ отецъ съ дѣтьми, обсуждалъ вопросы, касавшіеся церковнаго ученія и пастырской практики. Тамъ пастыри видѣли и чувствовали въ епископѣ отца, и въ его мудрости и опытности находили разрѣшеніе своихъ пастырскихъ недомѣннй и тревогъ. Тамъ дѣйствительно осуществлялось полное любви, отеческой ласки и участія единеніе архипастыря съ своими сопастырями. Тогда еще не было созданной изъ бумаги, чернильницъ и перьевъ непроходимой стѣны, раздѣляющей нынѣ живыя церковныя силы...

Наши современные епархіальные съѣзды, родившіеся изъ началъ освободительной реформы 60-хъ годовъ, въ идеѣ своей являются собственно возстановленіемъ этихъ древнихъ соборовъ духовенства. Но по характеру, какой приняли теперь, они также мало похожи на свой прототипъ, какъ тѣнь на вещь, которая ее даетъ, какъ эхо на звукъ, его порождающій. И духовенство и епархіальные органы—все единодушно и жестоко осуждаютъ мертвенность и пустоту этихъ съѣздовъ, откровенно указываютъ на ихъ безцѣльность и безрезультатность для успѣха и процвѣтанія епархіальной жизни.

Гдѣ же причины, лишившія жизни и силы такое важное явленіе и совершенно вычеркнувшія его изъ ряда средствъ, способныхъ оживить и обновить нашу мертвую епархіальную жизнь? Ихъ много, но главная изъ нихъ это—постепенная бюрократизація нашей епархіальной жизни и развившееся отсюда непомѣрно ревнивое обереганіе неканоническаго начала епархіальнаго абсолютизма. И съ тѣмъ и съ другимъ явленіемъ несовмѣстимо желаніе выслушивать и совѣтоваться съ выборными, довѣріемъ прочаго духовенства облеченными, людьми. Для перваго это излишне и даже совершенно ненужно. Второму кажется опаснымъ и вреднымъ.

Еще въ 60-хъ годахъ, лишь только было даровано духовенству право собраній и съѣздовъ изъ выборныхъ депутатовъ, какъ Костромской комитетъ уже находилъ, что «выборное начало не согласно съ достоинствомъ епископовъ, которые по божественнымъ установленіямъ имѣютъ полномочную власть управленія какъ духовнаго, пастырскаго, такъ и вѣншаго, начальственнаго и судебнаго, по дѣламъ церковнымъ; противно вообще духу и устройству каѳолической церкви, которая въ своемъ управленіи никогда не принимала началъ, на которыхъ устроены правительства такъ называемыя конституціонныя». Въ этихъ словахъ, какъ нельзя ярче, выраженъ мертвящій всю нашу церковную жизнь принципъ епархіальнаго бюрократическаго абсолютизма. Его пугаетъ идущій снизу голосъ жизни и страданій подъ бумажнымъ гнетомъ. Этотъ голосъ выборныхъ отъ духовенства людей звучитъ для него незаконно, неканонично, «противно вообще духу и устройству каѳолической церкви». Въ выборахъ и съѣздахъ ему чудится «конституція». Мы не ошибемся, если скажемъ, что это близорукое и пугливое опасеніе внести въ церковное управленіе „такъ называемыя конституціонныя начала“ и было причиной, парализовавшей наши епархіальные съѣзды. „Многіе епископы, говоритъ архим. Михаилъ, усвоили точку зрѣнія костромскаго комитета... Естественно, что противъ „конституціи“ начали борьбу. Съѣзды депутатовъ передѣлываются въ съѣзды благочинныхъ. Затѣмъ явились и другіе попытки „поставить съѣзды на ихъ мѣсто“ (выраженіе одного преосвященнаго) Средство „поставить съѣздъ на его мѣсто“, вопреки закону, нашлось очень простое: давленіе на отдѣльныхъ лицъ и суровыя кары непокорнымъ. Есть епархіи, въ которыхъ, по волѣ архипастыря, съѣзды собираются разъ въ 3—5—6 лѣтъ. Очевидно тутъ недалеко и до ихъ упраздненія“

(Церк. Вѣстн. 1905 г. № 27). Несправедливость такого отношенія къ епархіальнымъ сѣздамъ изъ выборныхъ депутатовъ, неосновательность и близорукость такой политики церковнаго абсолютизма слишкомъ очевидны, чтобы о нихъ говорить много. Во-первыхъ: „епископъ правитъ по совѣту и черезъ пресвитеровъ“. Такова каноническая норма. По терминологіи апостольскихъ постановленій, пресвитерство есть управляющій и судящій—только не въ окончательной формѣ—„голосъ“, стоящій необходимо вмѣстѣ съ послѣднимъ „рѣшеніемъ“ епископа. Во вторыхъ: „то, что вѣ своихъ лично наисущественныхъ дѣлѣ священники имѣютъ только совѣщательный голосъ, достаточно обезпечиваетъ каноническую неприкосновенность епископскихъ прерогативъ“ (Церк. Вѣстн. № 27).

Что касается остальныхъ причинъ, которыми иногда исключительно хотятъ объяснить упадокъ и безжизненность епархіальныхъ сѣздовъ,—то ихъ обычно указываютъ въ программѣ сѣздовъ, въ депутатахъ, въ характерѣ и способѣ обсужденія предлагаемыхъ на сѣздѣ вопросовъ.

II.

Дѣйствительно, программы сѣздовъ, по большей части, поражаютъ своимъ одностороннимъ, узко экономическимъ интересомъ. Вопросы церковнаго ученія и пастырской практики очень часто въ нихъ совершенно отсутствуютъ. Задачи охраненія благочинія въ церкви и чистоты вѣры, заботы объ огражденіи вѣрующихъ отъ зараженія чѣмъ либо чужимъ въ исповѣданіи вѣры—обычно уступаютъ мѣсто заботамъ объ охраненіи всевозможныхъ епархіальныхъ кассъ и суммъ отъ людей и учреждений, привыкшихъ слишкомъ много разсчитывать на глубину и неисчерпаемость епархіальнаго кармана.

Такой экономическій характеръ программы сѣздовъ отмѣченъ и епархіальной печатью. Вѣроятно, онъ составляетъ всеобщее явленіе, имѣющее такую же общую причину. „Наши сѣзды духовенства, говорятъ Полоцкія Вѣдомости, напоминаютъ скорѣе собраніе чиновниковъ для обсужденія вопросовъ экономическаго характера, а не взаимообщеніе служителей алтаря, учителей жизни, врачей души и пастырей живого стада Христова“. „Просмотрите протоколы засѣданій сѣздовъ, говорятъ Архангельскія Вѣдомости, и вы увидите тамъ только цифры рублей и копеекъ, только разныя смѣты и вѣдомости, отчеты о приходѣ и расходѣ, раскладки и ассигнованія суммъ... Какъ будто у духовенства нѣтъ другихъ вопросовъ, кромѣ матеріальныхъ, для обсужденія епархіальныхъ представителей, собирающихся разъ въ годъ или даже въ три года, какъ это практикуется въ нашей епархіи“.

Но что дѣлать нашему духовенству, если его всю жизнь преслѣдуетъ какое то оскорбительное, почти трагическое, какъ кошмаръ тяжелое и неотступное, единеніе духовнаго съ матеріальнымъ. Поетъ ли оно „многая лѣта“, ему весело аккомпанируемый звонъ пятака Тянетъ ли печальную вѣчную память,—ему меланхолично вторитъ звукъ алтыва. Что дѣлать, если его необезпеченность и матеріальная безпомощность особенно обостряютъ экономическіе денежные интересы и сильно выдвигаютъ вопросы взаимопомощи и эмеритуры? Какъ быть, если въ каждой епархіи есть много лицъ и учреждений, у которыхъ слишкомъ сильна и непоколебима вѣра въ неистощимость епархіальной кассы? Не приходится ли смиряться и молчать, когда епархіальная власть вычеркиваетъ вопросъ за вопросомъ изъ программы, предложенной духовенствомъ. „Здѣсь, говоритъ Церковн. Вѣстн., все въ волѣ владыки. Одинъ позволяетъ разсуждать, напр., объ устройствѣ прихода, другой (черезъ годъ) запрещаетъ, и недоконченныя работы перваго сѣзда пропадаютъ даромъ“. Но даже и въ этой узкой сферѣ своихъ чисто экономическихъ интересовъ сѣздъ значительно ограниченъ. Такъ, у него почти отнято право контроля и ревизіи, или оставлено такими условіями, которыя лишаютъ это право всякаго реального значенія. Очень часто нѣкоторые депутаты, принявшись даже за простую провѣрку денежныхъ отчетовъ нѣкоторыхъ епархіальныхъ учреждений, вдругъ начинаютъ отказываться, опасаясь какихъ то неприятныхъ послѣдствій для себя за свою работу надъ цифрами. Очевидно, подъ холодными и безстрастными цифрами иногда скрывается нѣчто очень живое, ощутительное и опасливое... Иногда сѣздъ не можетъ добиться отвѣта и получить хоть сколько-нибудь удовлетворительное объясненіе, почему, напр., нищенское пособіе бѣднымъ полуголоднымъ вдовамъ и сиротамъ духовенства разослано не въ декабрѣ мѣсяцѣ, а только въ маѣ слѣдующаго года, и при томъ почему то почти наканунѣ сѣзда. Но особенно много огорченій и скорби приносятъ духовенству наши духовныя школы, особенно духовныя училища, въ содержаніи которыхъ видную роль играютъ епархіальныя суммы. Сами же хозяева этихъ денегъ не всегда принимаютъ близкое участіе въ расходованіи и контролѣ этихъ суммъ. Не всегда и спрашиваютъ ихъ, на что дѣлается употребить эти суммы, справедливъ-ли сдѣланный расходъ, и можно-ли его оправдать. Все это зависитъ отъ благосклонности къ духовенству тѣхъ лицъ, коимъ ввѣрено распоряженіе этими суммами. Оттого случаются иногда громадныя непроизводительныя траты, совершенно бесполезныя для училища. Такъ, въ одномъ изъ захолю-

ствѣйшихъ духовныхъ училищъ нашего необозримаго отечества, среди двора, обнесенаго громадными старыми историческими стѣнами, вдругъ, по „политическимъ“ соображеніямъ или капризу училищнаго начальства, вырастаютъ нелѣпыя, никому ненужныя, новыя, но отнынѣ тоже „историческія“, внутреннія стѣны. Отдѣляются громадныя помѣщенія для начальствующихъ, такъ что изумленный смертный, очутившись тамъ, не знаетъ что начать — восхищаться или вздыхать. На это потрачены чуть не десятки тысячъ дорогихъ епархіальныхъ денегъ, а училище поражаетъ антисанитарной и антигигиенической обстановкой. Ученики лишены простора и воздуха, ютятся на черномъ дворѣ, довершая въ общеніи съ прислугой свое нравственное воспитаніе.

Подобные факты никогда не имѣли бы мѣста въ епархіальной жизни, если бы наше духовенство, наши сѣзды могли пользоваться своими правами. Современная церковная и общественная жизнь уже не можетъ мириться съ мракомъ и молчаніемъ. Она требуетъ свѣта и гласности. Она ищетъ своихъ правъ, необходимой свободы, хочетъ сказать свое, можетъ быть жесткое, но правдивое и искреннее слово. Наступаетъ и наступило уже время, когда вся наша церковная жизнь и всѣ епархіальныя учрежденія должны жить и дѣйствовать по принципу: „приди и виждь“. Политика закрытыхъ дверей и завѣшенныхъ оконъ—уже обидный анахронизмъ. Необходимо поэтому расширить область дѣйствованія и компетенціи епархіальныхъ сѣздовъ. Этого требуетъ благо нашей епархіальной жизни. Безъ этого немислямы развитие и процвѣтаніе всѣхъ ея учреждений и установленій. Программа сѣздовъ должна обнимать всю епархіальную жизнь. Она включаетъ всю экономическую сторону жизни епархіи. Важными и существенными пунктами въ этой части программы являются разсмотрѣніе денежныхъ отчетовъ всѣхъ епархіальныхъ учреждений, контроль расходованія и учрежденія епархіальныхъ суммъ, ревизія ихъ наличнаго состоянія. Ни одинъ изъ запросовъ, ни одно изъ недоумѣній въ этомъ отношеніи не можетъ и не должно быть оставлено безъ отвѣта, или прикрито чьимъ-нибудь авторитетомъ¹⁾. Сѣздъ свидѣтельствуемъ состояніе духовнаго просвѣщенія

¹⁾ Какъ иногда „завѣдуютъ“ епархіальными суммами, это прекрасно показываетъ напечатанный въ прошломъ, № 28—29 Лит. Епарх. Вѣд. протоколъ Ревизіоннаго Комитета. Онъ краснорѣчивъ и не пуждается въ комментаріяхъ. Онъ даетъ такую милую картинку „домашняго, отеческаго“ хозяйничанія стотысячной кассой, что невольно залюбуешься этой милой простотой, потомъ грустно задумаешься и меланхолично поевнистешь...

въ епархіи, во всѣхъ его областяхъ: въ религіозно-просвѣтительной, миссіонерской, школьной. Особенно важно установить также отношеніе епархіальнаго сѣзда не къ экономической только, но и къ внутренней, учебно-воспитательной жизни всѣхъ духовно учебныхъ заведеній въ епархіи. Въ настоящее время это неизбежно. Когда волнуются и нервничаютъ дѣти, непременно должно быть выслушано свободное откровенное слово спокойныхъ разсудительныхъ отцовъ. Идея сближенія школы съ жизнью, педагоговъ съ родителями ихъ учениковъ, необходимости совмѣстнаго обсужденія вопросовъ воспитанія и обученія получила право гражданства даже въ министерствѣ нар. просв. и находитъ тамъ себѣ широкое примѣненіе.

А у насъ, въ духовномъ вѣдомствѣ, при всѣхъ благоприятныхъ условіяхъ для осуществленія такого единенія, довольствуются только жалкой карикатурой этой идеи, назначая ежегодно, для присутствованія на засѣданіяхъ въ правленіи семинаріи и духовныхъ училищъ, по два официальныхъ представителя отъ духовенства. Ихъ официальное положеніе и обязываетъ ихъ къ официальному поведенію.

Между тѣмъ ежегодный епархіальный сѣздъ духовенства даетъ такое прекрасное, легко доступное и нѣсомнѣнно весьма плодотворное для духовно-учебнаго дѣла средство сближенія школы съ жизнью, педагоговъ съ родителями,—что не пользоваться имъ преступно. Поэтому ежегодно епархіальный сѣздъ, вмѣстѣ съ воспитателями и наставниками духовно-учебныхъ заведеній, имѣетъ нѣсколько засѣданій, посвященныхъ исключительно вопросамъ духовнаго воспитанія и обученія.

Далѣе, программа сѣзда включаетъ обширный и важный отдѣлъ вопросовъ, касающихся охраненія церковнаго благочинія, огражденія чистоты вѣры и свободы совѣсти, уясненія и развитія церковнаго ученія, упорядоченія и совершенствованія пастырской практики. Эти засѣданія, конечно, не могутъ обходиться безъ участія архипастыря.

Наконецъ, епархіальному сѣзду должно быть предоставлено въ нѣкоторыхъ случаяхъ и право суда. „Слушаніе и разсмотрѣніе сѣздомъ по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ судебныхъ дѣлъ было бы весьма важнымъ улучшеніемъ нашего церковнаго епархіальнаго судопроизводства“ (Заозерскій).

Коренной недостатокъ современнаго консисторскаго суда, лишающій его характера каноничности,—это то, что постановляющіе приговоръ не видятъ лицъ и не слышатъ голоса тѣхъ, кого судятъ. Они знаютъ о нихъ только по бумагамъ

слѣдствія. Здѣсь же, на сѣздѣ, всегда могли бы оказаться люди лично знающіе обвиняемаго и по своему положенію ближе стоящіе къ нему и потому болѣе способные судить каноническимъ судомъ милости и врачеванія, а не одного только прещенія и казненія. Да и самъ обвиняемый имѣлъ бы болѣе побужденій явиться лично на этотъ судъ.¹⁾

Какъ очевидно, программа и область дѣятельности епархіального сѣзда могутъ быть очень обширными, не нарушая въ то же время ничьихъ правъ, не создавая никакихъ „конституціонныхъ“ ограниченій высшей епархіальной власти. А духовенство въ широтѣ и жизненности такой программы нашло бы для себя сильное побужденіе къ живой плодотворной церковно-приходской дѣятельности. Опытъ показываетъ, что „духовенство на сѣздахъ съ благодарностью принимаетъ всякій вопросъ, данный имъ на обсужденіе, и въ благодарность за довѣріе и привлеченіе къ организаціонному дѣлу, съ готовностью отдаетъ свой трудъ не только на совѣщательныхъ собраніяхъ сѣздовъ, но и послѣ—на „живомъ дѣлѣ.“

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мірянинъ.

Русское духовенство

въ произведеніяхъ А. П. Чехова.

(Къ годовщинѣ смерти А. П. Чехова 2 іюля 1904 года.)

I.

Печальна и непривѣтлива русская дѣйствительность, отразившаяся въ произведеніяхъ Чехова. Она какъ мертвая молчаливая степь, въ безграничной дали сливающаяся съ сѣрымъ холоднымъ небомъ. И куда не взглянешь, видишь только этотъ сѣрый, тоскливый, заколдованный кругъ, гдѣ слились въ одно: земля безъ жизни, небо безъ улыбки и откровенія, люди безъ идеи. И когда смотришь дальше, то кажется, что кругъ становится все меньше, кольцо уже и тѣснѣе, хмурое, беспросвѣтное небо все ближе и плотнѣе давить на землю, свѣтъ меркнетъ, воздухъ тяже-

лѣть, надвигаются страшныя скучныя сумерки,— и человекъ тоскуетъ и задыхается. А сумерки становятся все гуще и гуще. Тяжелая сѣрая пелена расвертывается все шире и необъятнѣе. Въ ней тонуть и небо, и земля, и люди. Мысли меркнуть и потухаютъ, слова умираютъ безъ звука и эха, идеи теряютъ крылья и,—маленькія, сѣренькія, пошленькія,—слабо трепещутъ и дышатъ, пріотившись гдѣ-нибудь въ придорожномъ оврагѣ. Люди становятся скучны и злы, хмуры и пошлы, безвольны и себялюбивы, и ютятся въ такихъ же угрюмыхъ и беспросвѣтныхъ оврагахъ...

Тяжела доля писателя, котораго судьба заставляетъ жить въ то скучное сумеречное время когда нечѣмъ жить и дышать, нечего слушать не на что смотрѣть. А это было время писательской жизни Чехова, печальные сумеречные 80-ые и 90-ые годы.

Невыносима и непосильна простому смертному участь человека-художника, котораго невѣдомый пророческій духъ повлекъ въ сѣрую, холодную, пустую степь, къ сѣрымъ, грязнымъ оврагамъ, искать тамъ правду и добро, живую человеческую душу. Нужно крѣпко вѣрить въ добро и правду, чтобы найти ихъ тамъ. Нужно прежде всего самому быть человекомъ, во всемъ царственномъ блескѣ этого слова, чтобы въ сѣренскихъ, пошленькихъ, почти гаденькихъ существахъ, копошащихся на днѣ овраговъ, признать и привѣтствовать братьевъ. Нужно имѣть великое сердце, полное безграничной христіанской любви, чтобы не осудить этихъ братьевъ, не посмѣяться надъ ними горькимъ безжалостнымъ словомъ. Такимъ человекомъ-писателемъ былъ Чеховъ. Такой великой христіанской любовью къ сѣренскимъ, запуганнымъ и загнаннымъ жизнью людямъ билось его честное сердце, дышало его изящное перо.

Это наше утвержденіе почти не нуждается въ доказательствахъ и не требуетъ большихъ иллюстрацій. Объ этомъ говоритъ каждый, самый маленькій, рассказикъ Чехова. Этимъ дышетъ любая страница его произведеній. Но чтобы не быть голословными и хоть немного иллюстрировать свое положеніе, мы остановимся на томъ, что намъ, духовнымъ, такъ близко, такъ понятно, и извѣстно. Мы рассмотримъ отношеніе Чехова къ русскому духовенству.

Положеніе нашего духовенства и вообще жизнь такъ называемаго духовнаго вѣдомства ничѣмъ не выдѣлялась на общемъ сѣромъ и тоскливомъ фонѣ русской жизни. Даже болѣе того. Иногда кажется, что здѣсь по преимуществу сосредоточивались и точно въ фокусѣ сливались все сѣ-

¹⁾ Редакція имѣетъ въ виду, если только позволятъ обстоятельства, дать рядъ статей и очерковъ по вопросамъ церковнаго управленія и суда.

рые тоны жизни, всё темные лучи русской дѣйствительности. Вглядываешься пристальнѣе, и кажется, что видишь предъ собой какое-то обидное мутное пятно изъ своеобразной смѣси застоившагося елѣя съ выцвѣтшими чернилами. Отъ всей остальной русской жизни это вѣдомство какъ будто отгорожено громадной китайской стѣной. И здѣсь, за этой стѣной, какъ въ оврагѣ, живутъ особые люди, говорящіе особымъ языкомъ, мало понятнымъ для другихъ, съ особыми обычаями и нравами, надъ которыми не прочь посмѣяться посторонніе, съ своимъ особымъ кругомъ идей, желаній, стремленій, надеждъ. Жизнь за этой стѣной хочетъ идти независимо отъ всей остальной русской жизни, иногда опаздывая въ сравненіи съ послѣдней вѣка на два. Своеобразная и оригинальная, иногда звучащая анахронизмомъ, эта жизнь часто привлекала къ себѣ любопытные взоры изъ-за стѣны. Много писателей оставили намъ произведенія изъ духовнаго быта. Но большинству изъ нихъ этотъ міръ служилъ и служить источникомъ курьезовъ, анекдотическихъ разсказовъ. Сѣренькая обыденная жизнь печальной „длиннополой алилуи“, съ растрепанной жиденькой косичкой, кажется пустой и комичной часто только потому, что въ этомъ сѣренькомъ и простомъ такъ трудно замѣтить великое и героическое, такъ легко смѣшать трагическое съ комическимъ. Чехова спасла отъ этого его глубокая христіанская любовь ко всемъ вообще сѣренькимъ, обыденнымъ, обездоленнымъ людямъ. Если на первыхъ порахъ, въ молодые годы, у него и обнаруживается иногда нѣкоторое насмѣшливое отношеніе къ своимъ персонажамъ, то въ послѣдніе годы онъ съ глубокимъ вниманіемъ и сочувствіемъ останавливается и грустно задумывается надъ „невидимой правдой“ обыденщины.

II.

Въ произведеніяхъ Чехова мы встрѣчаемъ всю нашу церковную іерархію, правда, въ лицѣ немногочисленныхъ представителей, но ихъ вполне достаточно, чтобы понять и оцѣнить отношеніе Чехова къ духовенству. Начнемъ съ самыхъ маленькихъ и сѣренькихъ, наиболѣе забытыхъ и загнанныхъ жизнью, робко стоящихъ только у порога духовнаго міра,—начнемъ съ дьячковъ.

Вотъ „на клиросѣ стоитъ дьячокъ Отлукавинъ и держитъ между вытянутыми, жирными пальцами огрызенное гусиное перо. Маленькій лобъ его собрался въ морщины, на носу играютъ пятна

всѣхъ цвѣтовъ, начиная съ розоваго и кончая темно-синимъ“. Отлукавинъ при исполненіи одной изъ многочисленнѣйшихъ и своеобразнѣйшихъ обязанностей сельскаго дьячка. Въ ожиданіи начала литургіи и чтенія часовъ, онъ, подъ диктовку какой то убогой старушки, пишетъ „поминанъ“. На одну бумажку, „за упокой“, вписываетъ мертвыхъ, на другую, „о здравіи“, заноситъ живыхъ. Но старушка путаетъ живыхъ съ мертвыми, и оттого у дьячка живые „лѣзутъ въ за-упокой“, а мертвые въ отдѣлъ „о здравіи“. Старушка сердится; негодуетъ и дьячокъ, долго перетасовываетъ имена, переписываетъ изъ одной бумажки въ другую, наконецъ отчаявшись пишетъ всѣхъ по порядку на одинъ листокъ. „Я ихъ всѣхъ гуртомъ запишу,—говоритъ онъ: а ты носи къ отцу дьякону... Пуцай дьяконъ разберетъ, кто здѣсь живой, кто мертвый; онъ въ семинаріи обучался, а я этихъ самыхъ дѣловъ... хоть убей, ничего не понимаю“.

Еслибы насъ не удерживало опасеніе приписать Чехову, вѣроятно, несуществовавшія у него намѣренія, то эту сценку мы назвали бы выразительнѣйшей аллегоріей нашей прошлой (о, если бы только прошлой!) церковной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, что представляла изъ себя наша церковная жизнь послѣднихъ двухъ столѣтій, какъ не это безковечное, безцѣльное и непонятное переведеніе мертваго въ разрядъ живого, причтеніе живого къ мертвому. Наша епархіальная жизнь, консисторское управленіе, реформа церковнаго суда, бракоразводныя дѣла, рядъ экспериментовъ надъ духовной школой, приходская жизнь, церковно-школьный вопросъ,—что все это, какъ не переходъ отъ бумажки „за упокой“ къ бумажкѣ „о здравіи“ и наоборотъ. Точно какой-то вѣчный неутомимый „Отлукавинъ“ принялъ на себя губительный и страшный трудъ—искусственно оживлять мертвое, заставляя его жить вопреки законамъ жизни, а эту живую и сильную жизнь убивать игнорированіемъ, ненавистью, преслѣдованіями, переводить въ категорію мертваго и несуществующаго. Но современныя событія общественной и церковной жизни какъ будто говорятъ, что мы, живые, уже устали «лѣзть въ за-упокой», а оттуда, по мановенію пера, перебираться въ отдѣлъ „о здравіи“. Мы хотимъ разрѣшенія всей этой путаницы, мы страстно ждемъ устраненія вѣками накопившихся церковныхъ не порядковъ, мы съ надеждой и вѣрой смотримъ, откуда же и когда же наконецъ придетъ тотъ „дьяконъ изъ семинаріи“, который сумѣетъ разобрать, „кто здѣсь живой и кто мертвый“, и послѣднему пропоетъ вѣчную память, а

первое встрѣтить и одобрить могучимъ и радостнымъ „многая лѣта“...

Когда же? и откуда же? и въ чемъ же спасеніе? Не въ „хирургіи“ ли? Не въ полномъ ли уничтоженіи и искорененіи изъ нашей церковной жизни всего того, что мѣшаетъ ея правильному теченію и росту, что, въ частности, питаетъ и поддерживаетъ наши историческіе грѣхи—„косноязычіе и гугнивость“?

„Косноязыченъ ты, Ефимъ, и гугнивъ сталь. Поешь, и ничего у тебя не разберешь“—сказалъ отецъ іерей послѣ литургіи дьячку Вонмигласову, съ подвязанной щеккой, съ опухшей отъ зубной боли челюстью. Тотъ взялъ просфору и отправился къ фельдшеру, Сергѣю Кузьмичу, съ просьбой вырвать больной зубъ и тѣмъ устранить причину временнаго косноязычія и гугнивости. «Вырвать? Отчего же и не вырвать? Вырвать можно. Только тутъ понимать надо, безъ понятія нельзя... Зубы разные бываютъ. Одинъ рвешь щипцами, другой козьею ножкой, третій ключемъ... Ну-съ, раскройте ротъ пошире... Сейчасъ мы его... тово... Разъ плюнуть... Десну подрѣзать только... тракцію сдѣлать по вертикальной оси... и все»... Но эта „хирургія“ съ подрѣзываніемъ, со щипцами, съ медленнымъ вытягиваніемъ больного зуба, не вывезла: фельдшеръ только промучилъ дьячка и сломалъ ему зубъ, къ старой боли прибавилъ новую. „Было бѣ мнѣ козьею ножкой.. бормочетъ фельдшеръ.—Этакая оказія“. Да, бываютъ случаи, когда нельзя тянуть, а нужно дѣйствовать рѣшительно и смѣло, въ корнѣ уничтожая причину болѣзни. Объ этомъ молилъ и дьячокъ Вонмигласовъ: „не тани только долго, а дергай. Ты не тани, а дергай... Сразу“.

Соблазнительно и въ этой сценкѣ усмотрѣть аллегорію леченія разныхъ недуговъ въ нашемъ духовномъ мірѣ. Но, запомнивъ совѣтъ: „не тани только долго“,—воздержимся отъ этого искушенія...

III.

„Надо работать, дьяконъ. Такъ нельзя.

— Ваши слова справедливы и логичны,—сказалъ дьяконъ: но лѣность моя находитъ себѣ извиненіе въ обстоятельствахъ моей настоящей жизни. Сами знаете, неопредѣленность положенія значительно способствуетъ апатичному состоянію людей“...

Эти слова могутъ служить отвѣтомъ на всѣ укору и обвиненія нашего духовенства въ исторической бездѣятельности, въ вѣковой спячкѣ. „Обстоятельства“ всей жизни нашего духовнаго сословія не готовили его къ такой дѣятель-

ности, не будили и не развивали силъ для этого, не питали желанія и стремленія къ этому, не создавали надлежащихъ условій для такой общественной, „церковной“ работы. Эти обстоятельства такъ извѣстны и очевидны и, пожалуй, еще живы, что на нихъ не зачѣмъ долго останавливаться. Это—сначала отсутствіе всякаго образованія, а потомъ уродливое обученіе въ школахъ, гдѣ дышатъ пылью вѣковъ, гдѣ цвѣтетъ благосѣбнолиственная схоластика, гдѣ все такъ отвлеченно, такъ далеко отъ жизни и общества, что фраза: „общественное служеніе“ очень часто отождествляется съ „социалистическимъ—анархическимъ движеніемъ“. Потомъ, полное одиночество въ деревнѣ, отсутствіе тамъ всякихъ интеллигентныхъ силъ, полная оторванность отъ живой книги и мысли. Дальше, метрики и циркуляры, „обыски“ и росписи, благочинный, ревностно и неустанно, подъ высшимъ давленіемъ, сводящій все служеніе пастырства къ бумажному дѣлу и канцеляріи, карающій виновныхъ поклонами, выговорами, четверками и тройками по поведенію, потомъ неумолимая и безстрастная консисторія, штрафы, эпитиміи, монастырь или историческая архіерейская „смордница“.. И все это на ужасномъ сѣромъ фонѣ забитости, приниженности, безправія и непобѣдимой бѣдности, граничащей съ нищетой.

На помощь этимъ обстоятельствамъ приходится еще неопредѣленность положенія у насъ служителей церкви. Нашъ священникъ—и пастырь церкви и чиновникъ государства, и послѣдній очень часто выступаетъ первымъ и самымъ виднымъ. Онъ чаще проповѣдей читаетъ съ амвона всевозможные циркуляры, предписанія, указы. Онъ несетъ на себѣ массу полицейскихъ обязанностей до протокола и доношенія включительно. Онъ ведетъ статистику живымъ и мертвымъ, и подлежащимъ отбыванію воинской повинности. Онъ, вмѣсто полиціи, регулируетъ правильность брачныхъ сопряженій и за ошибки платится жизнью. Отъ него требуютъ свѣдѣній о санитарномъ и гигиеническомъ состояніи деревни, статистику заразныхъ болѣзней, урожая, недорода и т. п. Не требуютъ пока еще метеорологическихъ свѣдѣній, но за то мы скоро увидимъ его въ роли страхового агента. Неудивительно, что, при такомъ множествѣ и разнообразіи обязанностей, для пастырскаго дѣла не остается ни времени ни силъ. Неудивительно, что въ результатѣ такихъ обстоятельствъ жизни и такой неопредѣленности положенія является апатичное состояніе. Идеалы линяютъ и сѣрѣютъ, мысли тупѣютъ и мельчаютъ, желанія пошлѣютъ, языкъ коснѣетъ, дѣло противѣетъ,—и жизнь становится сонной, вялой, скучной, сѣрой и... грѣшной...

Вотъ въ комнатѣ у о. благочиннаго, поздно вечеромъ, въ великую субботу, сидитъ о. Анастасій, священникъ одного изъ подгородныхъ селъ. Это „старикъ 65-ти лѣтъ, дряхлый не по лѣтамъ, костлявый и сутуловатый, съ старчески темнымъ, исхудалымъ лицомъ, съ красными вѣками и длинной, узкой, какъ у рыбы, спиной. Не смотря на санъ и почтенные годы, что-то жалкенькое, забитое и униженное выражали его красные мутноватые глаза, сѣдые съ зеленымъ отливомъ косички на затылкѣ, большія лопатки на тощей спинѣ... Онъ молчалъ, не двигался и кашлялъ съ такою осторожностью, какъ будто боялся, чтобы отъ звуковъ кашля его присутствіе не стало замѣтнѣе. У благочиннаго старикъ бывалъ по дѣлу. Мѣсяца два назадъ ему запретили служить до разрѣшенія и назначили надъ нимъ слѣдствіе. Грѣховъ за нимъ числилось много. Онъ велъ нетрезвую жизнь, не ладилъ съ причтомъ и съ міромъ, небрежно велъ метрическія записи и отчетность—въ этомъ его обвиняли формально, но кромѣ того, еще съ давнихъ поръ носились слухи, что онъ вѣнчалъ за деньги незаконные браки и продавалъ пріѣзжавшимъ къ нему изъ города чиновникамъ и офицерамъ свидѣтельства о говѣніи. Эти слухи держались тѣмъ упорнѣе, что онъ былъ бѣденъ и имѣлъ девять человѣкъ дѣтей, жившихъ на его шеѣ и такихъ же неудачниковъ какъ и онъ самъ. Сыновья были необразованы, избалованы и сидѣли безъ дѣла, а некрасивыя дочери не выходили замужъ“... Онъ уже часа три сидѣлъ у благочиннаго, чувствовалъ, что пора уходить, что хозяину нужно отдохнуть, но все никакъ не могъ уйти. Наконецъ „старикъ поднялся, чтобы уйти, но прежде чѣмъ начать прощаться, онъ минуту откашливался и пыливо, все съ тѣмъ же выраженіемъ неопредѣленнаго ожиданія во всей фигурѣ, глядѣлъ на спину благочиннаго; на лицѣ его заиграли стыдъ, робость и жалкій, принужденный смѣхъ, какимъ смѣются люди, не уважающіе себя. Какъ-то рѣшительно махнувъ рукой, онъ сказалъ съ силой дребезжащимъ смѣхомъ:

— „Отецъ Федоръ, продлите вашу милость до конца, велите на прощанье дать мнѣ... рюмочку водочки!“

— Не время теперь пить водку,—строго сказалъ благочинный.—Стыдъ надо имѣть.

Отецъ Анастасій еще больше сконфузился и, забывъ про свое рѣшеніе уходить домой, опустился на стулъ“...

Вотъ отецъ Христофоръ Сирійскій, настоятель Н-ской Николаевской церкви, маленькій, длинноволосый старичокъ, въ сѣромъ парусиновомъ кафтанѣ, въ широкополомъ цилиндрѣ и въ

шитомъ, цвѣтномъ поясѣ. Влажными глазками удивленно глядитъ онъ на міръ Божій и улыбается такъ широко, что, кажется улыбка захватываетъ даже поля цилиндра. Онъ, восьмидесятилѣтній старикъ, ѣдетъ по степи куда то въ городъ продавать шерсть своего зятя Михайлы.

— „Да, вздумалъ вотъ на старости лѣтъ...—сказалъ о. Христофоръ и засмѣялся.—Записался братъ, изъ поповъ въ купцы. Теперь бы дома сидѣть да Богу молиться, а я скачу, аки фараонъ на колесницахъ!.. Суета!“

А вѣдь когда-то этотъ о. Христофоръ подавалъ большія надежды, „утѣшалъ родителей и наставниковъ своимъ разумнѣемъ“. „Еще у меня усовъ не было, воспоминаетъ онъ, а я ужъ, братъ, читалъ и по-латынски, и по-гречески, и по-французски, зналъ философію, математику, гражданскую исторію и всѣ науки. Память мнѣ Богъ далъ на удивленіе. Бывало, которое прочту раза два, наизусть помню. Наставники и благодѣтели мои удивлялись и такъ предполагали, что изъ меня выйдетъ ученѣйшій мужъ, свѣтильникъ церкви. Я и самъ думалъ въ Кіевъ ѣхать, науки продолжать, да родители не благословили. „Ты, говорилъ отецъ, весь вѣкъ учиться будешь, когда же мы тебя дождемся?“ Слыша такія слова, я бросилъ науки и поступилъ на мѣсто. Оно, конечно, ученый изъ меня не вышелъ, да за то я родителей не послушалъ, старость ихъ успокоилъ, похоронилъ съ честью. Послушаніе паче поста и молитвы!“ Прекрасна добродѣтель-послушаніе, но почему же изъ юноши, мечтавшаго быть ученѣйшимъ мужемъ и свѣтильникомъ церкви, выродился 80-лѣтній старецъ священникъ, аки фараонъ на колесницѣ скачущій въ городъ продавать шерсть?! Все прошлое основательно слиняло, забылось и утонуло въ сѣренькой обыденщинѣ. „Мнѣ-то собственно нечего Бога гнѣвить,—такъ подводитъ о. Христофоръ итогъ своего долготѣтяго пастырства: я достигъ предѣла своей жизни, какъ дай Богъ всякому... Дочекъ за хорошихъ людей опредѣлилъ, сыновъ въ люди вывелъ и теперь свободенъ, свое дѣло сдѣлалъ, хоть на всѣ четыре стороны иди. Живу со своей попадѣй потихоньку, кушаю, пью да сплю, на внушать радуюсь да Богу молюсь, а больше мнѣ ничего и не надо. Какъ сыръ въ маслѣ катаюсь и знать никого не хочу. Отродясь у меня никакого горя не было и теперь еслибъ, скажемъ, царь спросилъ: „Что тебѣ надобно? Чего хочешь?“ Да ничего мнѣ не надо! Все у меня есть и все слава Богу. Счастливей меня во всемъ городѣ человѣка нѣтъ. Только вотъ грѣховъ много, да вѣдь и то сказать одинъ Богъ безъ грѣха... Ну, конечно, зу-

бовъ нѣтъ, спину отъ старости ломить, то да се... одышка и всякое тамъ... Больно, плоть немощна, ну, да вѣдь, самъ посуди, пожилъ! Восьмой десяткъ! не вѣкъ же вѣковать, надо и честь знать“...

Отъ всего прекраснаго прошлаго осталось у о. Христофора только одно—уваженіе къ наукѣ, къ знанію... „Старайся такъ, чтобъ всѣ науки выучить“, наставляетъ онъ мальчика Егорушку, поступающаго въ гимназію: „Иной математику знаетъ отлично, а про Петра Могилу не слыхалъ, а иной про Петра Могилу знаетъ, а не можетъ про луну объяснить. Нѣтъ, ты такъ учишь, чтобы все понимать! Выучись по-латынски, по-французски по-нѣмецки... географію, конечно, исторію, богословія, философію, математику... Апостоль Павелъ говоритъ: „на ученія странна и различна не прилагайтесь“. Конечно, если чернокнижіе, буесловіе, или духовъ съ того свѣта вызывать, какъ Саулъ или такія науки учить, что отъ нихъ пользы ни себѣ, ни людямъ, то лучше не учиться. Надо воспринимать только то, что Богъ благословилъ. Ты соображайся... Святые апостолы говорили на всѣхъ языкахъ—и ты учи языки; Василий Великій училъ математику и философію—и ты учи, святой Несторъ писалъ исторію—и ты учи и пиши исторію. Со святыми соображайся“...

Та атмосфера и тѣ условія, въ которыхъ приходилось жить сельскому духовенству, не даютъ пищи даже для фантазіи, не окрыляютъ мечту. Послѣдняя также скромна и смиренна, какъ и дѣйствительность ее порождающая. „Вернувшись къ костру, дьяконъ вообразилъ, какъ въ жаркій іюльскій день по пыльной дорогѣ идетъ крестный ходъ: впереди мужики несутъ хоругви, а бабы и дѣвочки иконы, за ними мальчишки-пѣвчіе и дьячокъ съ подвязанной цекой и съ соломой въ волосахъ, потомъ по порядку онъ, дьяконъ, за нимъ попъ въ скуфейкѣ и съ крестомъ, а сзади пылитъ толпа мужиковъ, бабъ, мальчишекъ; тутъ же въ толпѣ попадаю и дьяконица въ платочкахъ. Поютъ пѣвчіе, режутъ дѣти, кричатъ перепела, заливается жаворонокъ... Вотъ остановились и покропили святой водой стадо... Пошли дальше и съ колѣнопреклоненіемъ попросили дождя. Потомъ закуска, разговоры“... Самый крайній предѣлъ до котораго иногда дерзаетъ эта бѣдная робкая фантазія,—это архіерейство. Молодой дьяконъ, котораго зоологъ манитъ въ далекую и трудную научную экскурсію, мечтаетъ не о томъ, какія знанія онъ можетъ тамъ пріобрѣсти, что увидитъ, переживетъ. Нѣтъ, не свѣтлый лучъ знанія и учености тревожитъ его фантазію. „Дьяконъ вообразилъ, что будетъ съ нимъ черезъ десять лѣтъ,

когда онъ вернется изъ экспедиціи: онъ—молодой іеромонахъ-миссіонеръ, авторъ съ именемъ и великолѣпнымъ прошлымъ; его посвящаютъ въ архимандриты, потомъ въ архіереи; онъ служитъ въ кафедральномъ соборѣ обѣдно: въ золотой митрѣ, съ панагеей, онъ выходитъ на амвонъ и, осѣняя массу народа трикириемъ и дикириемъ, возглашаетъ: „Призри съ небесе, Боже, и виждь и посѣти виноградъ сей, егоже насади десница Твоя!“ А дѣти ангельскими голосами поютъ въ отвѣтъ: „Святой Боже“...

Да, надо сознаться что состояніе нашей церковной и въ частности приходской жизни не могло будить и питать въ духовенствѣ высокихъ культурныхъ идеаловъ. Узкая сфера приходской дѣятельности, съ одной стороны граничащая съ чиновничествомъ и канцеляріей, съ другой упирающаяся почти исключительно въ требникъ, не могла дать пищи для развитія и укрѣпленія въ сельскомъ духовенствѣ тѣхъ идей, какими болѣла народолюбивая интеллигенція. Консисторія и метрики не оставляли для этого у духовенства ни времени, ни силъ, а школа и духовная литература клеймила эти идеи печатью ереси. Естественно при такихъ условіяхъ, что дѣятельность приходскаго духовенства направилась исключительно на эстетическую сторону религіи. Благолѣпіе богослуженія, красота пѣнія и чтенія, громогласный дьяконъ, сладкозвучный дьячокъ—сдѣлались единственнымъ предметомъ вниманія, и желанія, своего рода идеалами, къ достиженію которыхъ направлялись всѣ усилія. Въ этомъ видѣли единственное средство показать свою духовную силу и величіе, расположить къ церкви „безбожнаго“ интеллигента. Кто оказывался равнодушнымъ ко всему этому, тотъ наносилъ оскорбленіе религіи, того клеймили „атеистомъ“...

Въ с. Ефремово ожидаютъ барина, графа Владиміра Ивановича. По этому случаю псаломщикъ Алексѣй Алексѣевичъ ежедневно устраиваетъ двѣ спѣвки и старательно готовится къ той первой обѣднѣ, на которой будетъ присутствовать и графъ. Проходитъ мѣсяцъ, другой... Наконецъ пріѣзжаетъ графъ. Въ воскресенье его ждутъ въ церковь. Но онъ еще наканунѣ, въ субботу, говоритъ батюшкѣ, отцу Кузьмѣ, пришедшему спросить графа, когда его сіятельство прикажетъ завтра къ литургіи ударить,—„когда знаете... только нельзя ли какъ-нибудь поскорѣе, покороче... безъ пѣвчихъ“... Всю ночь не спитъ бѣдный псаломщикъ. „Не такъ обидно ему, что пропали его труды, какъ то, что Авдіесовъ (дьяконъ) не дастъ ему теперь прохода своими насмѣшками. Авдіесовъ радъ его горю. На

другой день всю обѣдню онъ презрительно косится на клиросъ, гдѣ одинъ, какъ перстъ, баситъ Алексѣй Алексѣевичъ, проходя съ кадиломъ мимо клироса, онъ бормочетъ:

— Выводи ноты, выводи! Старайся! Грахвъ красненькую на хоръ дасть!

Послѣ обѣдни регентъ, уничтоженный и больной отъ обиды, идетъ домой. У воротъ догоняетъ его красный Авдеевъ.

— Постой, Алеша,—говоритъ дьяконъ.—Постой, дура, не сердись! Не ты одинъ, и я, братъ, въ накладѣ! Подходить сейчасъ послѣ обѣдни къ грахву, отецъ Кузьма и спрашиваетъ: „А какого вы понятія о голосѣ діакона, ваше сіятельство? Не правда ли, совершеннѣйшая октава“? А грахвъ-то, знаешь, что выразилъ? Конплиментъ!—„Кричать, говоритъ, всякій можетъ. Не такъ, говоритъ важень въ человѣкъ голосъ, какъ умъ“. Питерскій дока! Атеистъ и есть атеистъ! Пойдемъ, братъ сирота, съ обиды тарарахнемъ точію по единой!

И враги, взявшись подъ руки, идутъ въ ворота...

Всѣ эти сцены и типы были бы каррикатурны и злы, унизительны и обидны для духовенства, еслибы Чехова можно было заподозрить въ презрительномъ отношеніи къ своимъ персонажамъ. Но онъ безупреченъ въ этомъ отношеніи. Его безграничное благородство, его великое милосердіе и любовь къ маленькимъ сѣренькимъ людямъ заставляютъ и читателя съ такимъ же чувствомъ относиться къ нимъ. „Не суди, прости“! Въ эту евангельскую заповѣдь отлилось у Чехова отношеніе его къ маленькимъ забитымъ людямъ. Этой же любви и всепрощенію учить и каждая страница его произведеній. Чеховъ учить относиться къ опустившимся людямъ такъ, какъ о Анастасій совѣтуетъ дьякону, отнестись къ своему родному сыну; позволяющему себѣ въ великій постъ ѣсть индѣйку и жить съ мадамой, повѣнчавшись только въ кондитерской Куликова. „Прости, Боръ съ нимъ!.. Я, братъ!.. я, дьяконъ, по себѣ это понимаю. Когда жилъ какъ люди, и горя мнѣ было мало, а теперь, когда образъ и подобіе потерялъ, только одного и хочу, чтобъ меня добрые люди простили. Да и то разсуди, не праведниковъ прощать надо, а грѣшниковъ!.. Нѣтъ, ты такого прости, на котораго глядѣть жалко... да!“ Чеховъ строго осуждаетъ враждебное презрительное отношеніе къ людямъ, каковы бы они ни были, особенно же къ тѣмъ, кого жизнь не баловала и судьба не ласкала. Къ такимъ именно людямъ надо отнестись и наше духовное сословіе. Презрительно относящіяся къ нему слишкомъ мало научены

жизнью. „Если бы они съ дѣтства знали такую нужду, какъ дьяконъ, если бы они воспитывались въ средѣ невѣжественныхъ, черствыхъ сердцемъ, алчныхъ до наживы, попрекающихъ кускомъ хлѣба, грубыхъ и неотесанныхъ въ обращеніи, плюющихъ на полъ и отрыгивающихъ за обѣдомъ и во время молитвы, если бы они съ дѣтства не были избалованы хорошей обстановкой жизни и избраннымъ кругомъ людей, то какъ бы они ухватились другъ за друга, какъ бы охотно прощали взаимно недостатки и цѣнили бы то, что есть въ каждомъ изъ нихъ... Въмѣсто того, чтобы, отъ скуки и по какому-то недоразумѣнію, искать другъ въ другѣ вырожденія, вымиранія, наслѣдственности и прочаго, что мало понятно, не лучше ли имъ спуститься пониже и направить ненависть и гнѣвъ туда, гдѣ стономъ гудятъ цѣлыя улицы, отъ грубаго невѣжества, алчности, попрековъ, нечистоты, ругани, женскаго визга“

Н.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ епархіальной жизни.

Освященіе въ м. Нѣменчинъ новой православной Ильинской церкви.

Мѣстечко Нѣменчинъ находится вверхъ по р. Вилии въ 20 верстахъ отъ гор. Вильны; оно расположено на правомъ берегу этой рѣки; отъ ж.-д. станціи Безданы отстоитъ въ 5 верстахъ. Изъ христіанскихъ храмовъ въ немъ доселѣ находился только одинъ костель. Въ ближайшихъ окрестностяхъ этого мѣстечка, благодаря прекраснымъ его климатическимъ условіямъ, — присутствію большой рѣки, близкому разстоянію обширныхъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ изъ сосноваго дерева и весьма привлекательному для глаза виду во все стороны — на долины, холмы, горы, съ 60-хъ годовъ часто стали селиться здѣсь по преимуществу на дачное время изъ Вильны и др. мѣсть въ значительномъ числѣ русскіе православные, служащіе и иные люди. Грустно было для русскихъ православныхъ людей во время своего проживанія здѣсь только одно обстоятельство, именно, что въ цѣломъ мѣстечкѣ и ближайшихъ его окрестностяхъ не было ни одного православнаго храма, нигдѣ не совершалось православнаго богослуженія, негдѣ было помолиться и въ самые торжественные праздники. И вотъ между русскими, по-

стоянными и дачными, поселенцами мѣстечка, постепенно стала возникать и прививаться живая мысль о необходимости постройки въ немъ новой православной церкви. Первыми двигателями между ними этой благой мысли были слѣдующія лица: нѣменчинскій казенный лѣсничій В. П. Поповъ, двѣ родныя сестры изъ Новгорода Над. Гр. Доброва и В. Гр. Конончукъ, проживавшіе 8 лѣтъ въ Нѣменчинѣ на дачѣ, имѣющей тутъ свой маленкій участокъ земли съ дачею и домикомъ Ар. О. Турцевичъ и др. ревнители. Откликнулось на эту живую мысль съ равнымъ усердіемъ и виленское городское православное духовенство, изъ котораго наибольшее ревнованіе проявилъ о. град. благочинный священникъ Л. И. Смоктуновичъ. Скоро образовался здѣсь строительный комитетъ—изъ предсѣдателя Л. И. Смоктуновича и членовъ—П. И. Конончука, Ар. О. Турцевича, И. Т. Колесникова, Н. М. Пономарева и Н. К. Янковскаго. Комитетъ работалъ дружно и усердно. Стали притекать на доброе дѣло пожертвованія деньгами и вещами. Первое пожертвованіе сдѣлалъ о. Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ (Кронштадскій), вручившій священнику Л. Смоктуновичу 100 руб. на начало добродѣла. 19-го Сент. 1899 года на станціи Вильна, по пути въ Лѣснѹ и Вировъ. Между благодѣтелями-жертвователями явились Л. В. Голубевъ, пришедшій изъ Петербурга 2000 руб. на приобретение колоколовъ (которыхъ нынѣ числомъ пять и общій вѣсъ ихъ 65 пудовъ, большой изъ нихъ въ 45 п.) и на внутреннія нужды; помѣщица поднѣменчинскаго имѣнія—Верусова, инженеръ дѣйств. совѣтн. Печковскій и его жена Ольга Феодоровна, Игуменія Маріинскаго монастыря Моисея и др. лица. И вотъ, съ помѣщью Божіею, явилась нынѣ въ м. Нѣменчинѣ новая деревянная, изящная православная церковь во имя св. пророка Іліи. Земля подъ нее отпущена безвозмездно по Высочайшему повелѣнію въ количествѣ 3 десятинъ изъ Нѣменчинской казенной лѣсной дачи, на краю мѣстечка, у большого стараго петербургскаго тракта. Общая стоимость новой церкви съ устройствомъ вокругъ нея деревянной ограды, съokra скою ихъ, доходитъ до 7000 руб.

Освященіе Нѣменчинской новой православной Ильинской церкви состоялось 10-го іюля; оно было совершено тихо, скромно, благоговѣйно и радостно, виленскимъ благочиннымъ Л. И. Смоктуновичемъ, въ сослуженіи съ уѣзднымъ благочиннымъ Н. Дружиловскимъ и Подберезскимъ священникомъ Н. Малыгинымъ и вилен. пречистен. діаконъ Сил. Устиновичемъ. Скромный, но гармоничный хоръ составляли приглашенные изъ

Вильны пречистен. регентъ Ев. О. Дичковскій, два старшихъ воспитанника литов. дух. семинаріи, пишущій эти строки и монахини съ послушницею изъ близъ лежащаго скита вилен. жен. монастыря. На священнодѣйствіе освященія и божественную литургію въ новой церкви собралась и усердно молилась вся мѣстная наличная православная русская семья, лица служащая, члены строительнаго комитета, дачники и др. Храмъ былъ наполненъ молящимися. При окончаніи божественной литургіи, послѣ обычныхъ многолѣтій, первослужащій Л. И. Смоктуновичъ сказалъ прихожанамъ новой давно ожидаемой церкви краткую, сердечную, привѣтственную рѣчь:—

„Освятися и благословися храмъ сей въ чѣсть и память святаго пророка Божія Іліи. Настала пора,—Богъ и васъ призрѣлъ своею милостію,—уже и вы имѣете давно желанный храмъ. Черезъ настоящее священнодѣйствіе Самъ Богъ освятилъ мѣсто сіе въ жилище Себѣ. Онъ Милосердный постоянно будетъ пребывать на семъ мѣстѣ своею спасительною благодатью и будетъ обильно изливать ее въ души всѣхъ входящихъ сюда съ вѣрою. Здѣсь Онъ будетъ съ вами, по заповѣди ибо идѣже два или три собраны во Имя Мое, здѣсь и Я посередъ ихъ—и своимъ присутвіемъ будетъ подкрѣплять ваши молитвы. Оттуда въ священнѣхъ таинствахъ вы будете почерпать себѣ божественную помощь для борьбы со грѣхомъ, для укрѣпленія въ вѣрѣ и благочестивой жизни, ведущей къ вѣчному спасенію. Здѣсь, въ словѣ Евангельскомъ, Онъ будетъ бесѣдовать съ вами, какъ отецъ съ дѣтьми, наставляя васъ на всякое дѣло доброе и Ему угодное. Здѣсь, въ таинствѣ Причащенія, Своимъ Пречистымъ Тѣломъ и Кровью Онъ будетъ питать васъ духовно—будетъ входить въ ближайшее и тѣснѣйшее общеніе съ вами. Ядый Мою плоть и пійяй Мою кровь, говоритъ Спаситель, во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ!“ Здѣсь, въ храмѣ Божіемъ, какъ во врачевницѣ, Онъ подаетъ вамъ утѣшеніе,—въ болѣзняхъ нишпошлетъ исцѣленіе,—а слабымъ силамъ—подкрѣпленіе. Словомъ, храмъ сей будетъ для васъ неисчерпаемымъ источникомъ постоянныхъ и многообразныхъ благъ. Мы, собравшіеся сюда нынѣ, вполне сочувствуемъ вашему, прихожане, счастью и не сомнѣваемся, что всю свою жизнь вы непрестанно будете прославлять Бога и молиться Ему за добрыхъ людей... Посмотрите, сколько среди васъ именитыхъ русскихъ людей: всѣ они по братскому сочувствію нарочно прибыли сюда издалика, чтобы раздѣлить вашу радость и слить свои сердца съ вашими въ молитвѣ къ общему благодате-

лю нашему Богу, по молитвамъ ревнителя славы Его пророка Іліи.—Не бойся, малое стадо,—немногочисленная паства сего приходскаго храма—яко благоизволи Богъ дати тебѣ царство! Ты имѣешь надежнаго кормчаго въ лицѣ св. пророка Іліи, который оградить тебя нынѣ какъ древле Израіля, отъ волковъ хищныхъ, готовыхъ уловлять тебя съ свои сѣти. „Стойте въ вѣрѣ, крѣпитесь и мужайтесь и чрезъ это вы прославитесь не только въ сей, но и въ будущей жизни“,—убѣждалъ нѣкогда свящ. Матавія сыновей своихъ. Стойте и крѣпитесь въ православіи и вы, братіе, чтобы могли небоязненно съ апостоломъ сказать своему Судіи: „Подвигомъ добрымъ подвизахся, течение скончахъ, вѣру соблюдохъ; прочее же—соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, не только мнѣ, но и всѣмъ, возлюбившимъ явленіе въ міръ Сына Божія“.—

Изъ церкви всѣ почетнѣйшія лица, духовенство и другіе направились въ близъ лежащій домъ мѣстнаго земскаго начальника А. П. Полянскаго, гдѣ членами строительнаго комитета былъ устроенъ скромный завтракъ. За завтракомъ благочинный о. Лука Смогтуновичъ первый тостъ произнесъ за драгоценное здравіе Государя Императора, по волѣ коего данъ земельный участокъ. Затѣмъ, въ формѣ собесѣдованія, было произнесено не мало и другихъ задушевныхъ тостовъ, исполненныхъ живой мысли и глубокоблагожелательнаго чувства, Всѣ желанія и горячія благожеланія въ данномъ случаѣ сводились къ одному, чтобъ на мѣстѣ новой церкви жизнь мѣстныхъ православныхъ русскихъ людей протекала всегда мирно, тихо, въ усердной молитвѣ, въ полномъ братскомъ согласіи между собою и со всѣми окружающими ихъ иновѣрными братьями.

— 15 іюля въ настоятельскихъ покояхъ Св.-Духова монастыря состоялось собраніе членовъ виленскаго православнаго Св.-Духовскаго Братства, подъ предсѣдательствомъ Высокопреосвященнѣйшаго Никандра, Архіепископа Литовскаго и Виленскаго.

Въ виду того, что православные жители нашего края, особенно въ мѣстахъ съ преобладающимъ католическимъ населеніемъ, очень часто подвергаются теперь оскорбленіямъ и преслѣдованіямъ за вѣру и даже насильственнымъ дѣйствіямъ со стороны католиковъ, а сельскія власти, въ случаѣ жалобы православныхъ на такія дѣйствія, нерѣдко отказываются принимать эти заявленія и давать имъ законный ходъ,—собраніе рѣшило обратиться къ Литовской духовной консисторіи съ тѣмъ, чтобы та предписала священникамъ разъяснять гонимымъ православнымъ, что, всѣ такія насильственныя дѣйствія со стороны инославныхъ, какъ несогласныя съ російскими законами о вѣротерпимости, могутъ быть преслѣдуемы закономъ и судомъ. Постановлено просить также и г. виленскаго губернатора предписать сельскимъ властямъ, чтобы тѣ не отказывали оскорбляемымъ православнымъ въ возбужденіи подобнаго рода дѣлъ, въ принятіи жалобъ, въ составленіи протоколовъ.

Далѣе, собраніемъ были заслушаны отношенія И. В. Соболевскаго и учителя Осецкаго въ издательскій Комитетъ Братства съ предложеніемъ Комитету издать на братскія средства представленныя ими небольшія сочиненія. Постановлено двѣ рукописи Соболевскаго,—одна на тему „Отличіе католическаго богослуженія отъ православнаго“, а другая—„Правда о католицизмѣ, или путь къ истинѣ“,—передать, для прочтенія и составленія о нихъ отзыва, преподавателю духовной семинаріи А. И. Шестову, а сочиненіе Осецкаго „Письма къ ревнителямъ истинной вѣры“ передать для той же цѣли члену Братства И. Я. Спрогису.

Потомъ собраніе перешло къ очереднымъ дѣламъ.

— Въ пятницу 22-го іюля, въ день тезоименитства Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, Высокопреосвященный Никандръ, Архіепископъ Литовскій, совершилъ богослуженіе въ женскомъ Маріинскомъ монастырѣ, по случаю престольнаго монастырскаго праздника въ этотъ день.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи,

Архимандритъ Антоній.

Помощникъ Редактора

А. Шестовъ.